ЛАРИСА

СОБОЛЕВА

ДЕТЕКТИВ ПО НОВЫМ ПРАВИЛАМ

ТАМ, ГДЕ НАСТОЯЩЕЕ ПЕРЕПЛЕТАЕТСЯ С ПРОШЛЫМ, — ВОЗМОЖНЫ НЕОЖИДАННЫЕ ПОВОРОТЫ СУДЬБЫ...

УБИЙСТВО ПО ШЕКСПИРУ

Лариса Соболева

Убийство по Шекспиру

«АСТ»
2003

Соболева Л.

Убийство по Шекспиру / Л. Соболева — «АСТ», 2003

ISBN 978-5-17-083142-5

Одно дело играть трагедию на сцене перед зрителями и совсем другое – быть ее участником в жизни. Все служители Мельпомены, начиная от актеров и кончая рабочими сцены, пребывали в шоке. Ведь совершенно очевидно, что одновременно два актера не могли уйти из жизни просто так, значит, им кто-то помог покинуть этот мир. Главный герой и героиня пьесы «Коварство и любовь» недвижимо лежали на сцене. Из-за грима они выглядели манекенами, а не людьми, небрежно брошенными куклами. Возле тел уже суетились оперативники. Здесь, на сцене, произошло нечто страшное. Но что? Похоже, кто-то из присутствующих выбрал удачный момент и убил артистов прямо во время спектакля. Загадочная смерть заставила каждого невольного участника трагедии посмотреть вокруг себя: кто убийца? Ранее книга издавалась под названием «Коварство без любви»

ISBN 978-5-17-083142-5

© Соболева Л., 2003

© АСТ, 2003

Содержание

I. Не хотите ли глоточек яда? 6
1 6
2 10
3 14
4 18
5 22
6 24
II. А день грядущий приготовил… 29
1 29
2 34
3 36
4 38
5 42
III. Коварство 44
1 44
2 46
3 49
Конец ознакомительного фрагмента. 52

Лариса Соболева
Убийство по Шекспиру

Боже, помоги мне смириться с тем, что я не в силах уразуметь.
Боже, помоги мне уразуметь то, с чем я не в силах смириться.
Упаси меня, Боже, перепутать одно с другим.
Старинная испанская молитва

Все события и персонажи вымышленные. Всякое сходство с реально существующими лицами – случайное совпадение.
С уважением к читателю автор.

© Соболева Л.
© ООО «Издательство АСТ»

I. Не хотите ли глоточек яда?

1

Шел спектакль под интригующим названием «Коварство и любовь». В полутемном зале Заречный Степан томился второй час, порой отключаясь, и тогда в ускользающем сознании терялось время и место. Но когда вдруг тоненькая струйка пота, текущая по спине в результате напряжения от неудобной позы, возвращала в реальность, он сонно смотрел на сцену, а чаще на Яну. На нее смотреть куда интересней, потому что реакция Яны на происходящее на сцене была потрясающе живая. Она, не отрывая глаз, следила за персонажами, вздыхала, сводила бровки к переносице, все ее переживания отражались на ее хорошеньком личике. Степа честно пытался понять, что же так занимало Янку, но хватало его на пять минут, не больше, потом он снова отключался.

Артисты играли натужно, будто отбывали повинность. Они то бубнили под нос, из-за чего фразы сливались и напоминали тягучую молитву, то внезапно оглашали зал воплями так, что Степа вздрагивал. Женщины заламывали руки, рыдали по ничтожному поводу, и, что удивительно, слезы текли по их лицам настоящие. Особенно старалась главная героиня, создавалось впечатление, будто к глазам ее подведен кран, стоит его открутить, и нате вам – слезы в три ручья. Правда, она актриса, обязана уметь смеяться и плакать по заказу. Все равно Степе это не нравилось, и он отворачивался.

Мужчины в камзолах, в коротких штанах и париках произносили высокопарные фразы, какие ни один нормальный человек не скажет. Такими напыщенными словами подавиться можно, Степе неловко было воспринимать их на слух, а уж говорить… никогда. Господа пыжились, при этом зверски таращили глаза, можно было подумать, их мучили желудочные колики. Короче, скука смертная.

Когда Яна замечала, что Степа смотрит не туда куда надо, то есть не на сцену, а на нее, она ладошкой, прикоснувшись к его щеке, поворачивала его лицо носом к сцене, и он вновь заставлял себя сосредоточиться на спектакле.

Но вот две женщины заговорили друг с другом неестественными голосами. Одна из них, в пышном платье и в высоком парике, постоянно обмахивалась веером почему-то в районе паха. Говорили они долго. Очень долго. Степа придвинулся к Яне и зашептал:

– Кто эти две тетки?

– Леди Мильфорд и Луиза, – сказала Яна и тут же добавила: – Перестань дурака валять.

– Я не валяю. Я запутался. Кто из них кто?

– Леди Мильфорд – любовница герцога, но любит Фердинанда, она в шикарном платье. А Луиза в скромном платье, она тоже любит Фердинанда.

– Понял. А он их обеих не любит, да?

– Почему это? – и Яна уставилась на него с самым грозным видом.

– Ну, они же страшненькие. У леди лицо лошадиное, а у…

– Не мешай! – прошипела Яна и переключилась на сцену.

А в зале стояла тишина, словно в нем никого нет. Степа оглянулся. Зрители сидели квадратно-гнездовым способом, то есть рассеялись по залу, и было их мало-мало. Все таращились на сцену, будто там на самом деле происходило интересное действо. Степа (в который раз!) сделал над собой усилие и попытался вникнуть, в чем тут дело. Не вник. Уж потянулся третий час заточения в театре, посему захотелось взвыть: кончайте эту нудьгу, хочу домой! Но, судя по всему, нудьга закончится еще не скоро. Он развалился в кресле, практически лег, изучил

потолок с огромной люстрой и прикрыл глаза ладонью, намереваясь поспать. Изредка бросал взгляды на сцену сквозь пальцы.

Роль одного из папаш играл круглый, как шар, актер, который вызывал у Степана Заречного отвращение. А фамилия у него летняя, солнечная – Подсолнух. Прошлой зимой было дело… собственно, дела не завели за неимением улик, ничего не удалось доказать, но артист Степана тогда очень интересовал, ну очень. По его мнению, это потрясающий циник, каких поискать, и сволочь. Сейчас, когда этот циник высокопарно вещал про грех, любовь и прочее, Заречный нечаянно… застонал. Это был стон человека, который не может слышать откровенную ложь и видеть притворство.

По залу прокатился смешок…

Яна толкнула его в бок локтем, а Степа прикрыл пальцами рот, изобразив виноватую мину. «Все, – сказал себе, – буду колоть подозреваемых на спектаклях нашего театра. Этой пытки ни один не выдержит». Он закрыл глаза, решив не открывать их до конца, и вдруг…

– Яд! Яд! Господи Иисусе! – внезапно заголосила женщина.

– У кого яд? – встрепенулся Степа, вызвав новый смешок в зале.

– Я тебя убью! – прошипела рядом Яна.

– Ты выпила его в честь смерти! – возвестил актер на сцене.

– Яд в лимонаде… Смерть… – уже не вопила, а шептала, страшно выпучив глазищи, та, которая была одета в скромное платье, то есть главная героиня.

Степа заинтересовался и испугался одновременно. Убийство – по его части, как-никак, а он оперуполномоченный уголовного розыска, поэтому интересно. Но убийство – это же всегда начало! Неужели спектакль только начинается? А до этого что было?! Поэтому испугался.

– Ужели мне нет спасения? – лепетала актриса, страдая. Кстати, все актеры без исключения страдали, страдали и страдали. – Так молода – и спасения нет? И… уже… сейчас… туда?.. Фердинанд!..

«Ну, про молодость она загнула, – подумал Степа. – Но играет ничего. Душевно».

– Спасения нет – тебе уже сейчас придется уйти *туда*. Не беспокойся, мы совершим… это… путешествие вместе…

Это сказал тот самый Фердинанд, в которого влюблены тети. Ага, значит, и он выпил лимонад с ядом.

– И ты, Фердинанд? Значит, яд… это ты?.. – задыхалась актриса.

«А, так он отравил ее и себя», – наконец дошло до Степы. Стало интересно, как они будут умирать.

Актриса бухнулась на колени, с ее лицом произошла метаморфоза: она как будто подавилась и никак не могла проглотить то, чем подавилась. Пальцами схватилась за вырез декольте и принялась рвать его. Довольно натурально промямлила:

– Я умираю… умираю…

После этих слов свалилась как сноп. Некрасиво свалилась. И дерг-дерг всем телом. Надо полагать, изображала предсмертные судороги. Степа никогда не видел смерти от яда, разве что в кино, и с отравителями не имел дел пока, потому окончательно проснулся, с любопытством следил за долгожданными событиями. Он вытянул шею, желая рассмотреть смерть от яда до тонкостей.

Актриса дергалась, а персонаж под именем Фердинанд открывал и закрывал рот, как рыба без воды. У него подкосились ноги, Фердинанд упал на четвереньки, с ужасом смотрел на партнершу, издающую хрип, хотел встать – не получилось. Тогда протянул руку к кулисам и наконец-то(!) родил слова:

– Мне… Что это?.. Ко мне… пожалуйста…

– Пустите меня! Пустите! – раздался дикий вопль, и на сцену выкатился тот самый актер по фамилии Подсолнух, который вызывал у Степы отвращение. Он пошел к лежащей на полу

актрисе на слабеньких ногах, будто больной дистрофией, а внешне тянет на японского борца сумо, только маленький. – Дитя мое! Я слышал, здесь кто-то принял яд? Дочь моя! Дочь!

Дочь ни звука. «Померла», – догадался Степа.

Фердинанд свалился на бок и подавал какие-то знаки папаше.

Папаша, судя по всему, не понимал, чего хочет отравитель его дочери, повалился всей своей тушей на несчастную и смешно зарыдал. А Степа поморщился, ему показалось, что косточки актрисы хрустнули под тяжестью Подсолнуха.

Фердинанд приступил к дерганью. Видимо, не хватило фантазии умереть поэффектнее и не так, как умирала партнерша.

Но вот дальше получилось все скомкано. Создалось впечатление, что артисты плохо выучили текст, а подсказать им было некому. На сцену вбежали еще двое, один – тоже толстый, но высокий – держал письмо и затряс им, оглашая зал дурацким басом:

– Сын мой! Я никогда не поверю…

Пауза. Второй папаша, который с письмом (Степа не запомнил ни одного имени, кроме Фердинанда), выжидающе замер, глядя на два трупа.

Еще один товарищ, третий по счету и худой, ни с того ни с сего давай кричать, словно только что выслушал обвинения:

– Я всему виной? Занятно! Разве я имел право тебе приказывать? Пусть я сейчас погибну, но вместе со мной и ты! Эй, люди! Кричите на всех перекрестках: «Убийство!» Разбудите судебные власти! Стража, вяжи меня! Я открою такие тайны…

И снова пауза. Трое живых переглядывались.

– Отравитель! – выбросил вперед руку с указующим перстом папаша над трупом дочери. Но почему-то указывал на папашу с письмом, а не на Фердинанда.

«Бессмыслица», – подумал Степа.

– Сын мой! – сказал трагическим басом папаша с письмом. – Ужели единый взгляд твой – последняя моя отрада – не упадет на меня? Нет? (На сцену выскочили стражники, оторопело топтались, очевидно, не знали, что им делать). Теперь берите меня!

Стражники радостно схватили папашу с письмом, и не успел Степа глазом моргнуть, как дали занавес. Он первый воодушевленно зааплодировал, безумно радуясь концу спектакля. На поклон вышли растерянные артисты, среди них не было тех двоих, персонажи которых умерли от яда, – быстро раскланялись и побежали за кулисы, наскакивая друг на друга.

Степа забрал из гардероба пальто Яны и свою куртку, помог одеться девушке. Вышли из здания театра и побрели медленно по пустынной и мокрой улице – за время спектакля ее вымыл осенний дождик. Фонари по обеим сторонам дороги от влажного воздуха выглядели тускло светящимися овалами, создавали уют. Да, конец октября, осень стремительно приближается к зиме, скоро облетят последние листья с деревьев, и природа надолго уснет. Степа ощутил в душе приятное чувство покоя, когда не надо никуда спешить, ни за кем гоняться, а можно идти вот так медленно по улице, наслаждаясь свободным временем. Он обнял за плечи Яну, но она вскипела, сбросив его руку:

– Тебя нельзя водить в культурные заведения! Ты как себя вел? Стонал, вздыхал, храпел! Это в театре! Еще и реплики бросал на весь зал!

– Скучно было, – оправдался Степа и притянул ее к себе. – Янка, не сердись. Не люблю спектаклей, плохую игру… Какое мне дело до их надуманных, вычурных страданий. Зато я люблю тебя.

– Любишь! – надула губки Яна. – Мы с тобой никуда не ходим…

– В бассейн ходим, – напомнил он.

– Редко! Тебе даже жениться на мне некогда. Или ты передумал?

– Попробовал бы я! – хмыкнул Степа. – Ты тоже постоянно в институте, домой приходишь поздно. Как жениться, когда ночью и по выходным не женят?

– Степа, – Яна вздернула красивый носик, – на это всегда можно найти время. Но мне кажется, что ты в свою работу влюблен больше, чем в меня. А помнишь, как сегодняшняя пьеса называется? «Коварство и любовь»! А помнишь, чем закончился спектакль?

– Это что, угрозы? Шантаж? – деланно испугался он, вытаращив глаза точь-в-точь как артисты.

– Именно, – подтвердила Яна. – Не хочешь, чтоб я тебе в кефир подсыпала яда? Не хочешь?

– Я хочу вот что…

Степа сгреб Янку и… О, как чудесно целоваться на пустой улице в тихую ночь! Как великолепно, что тебе не восемьдесят лет, а только стукнуло двадцать семь и все самое интересное впереди! Как приятно вдыхать влажный воздух, перемешанный с запахом рыжих волос Янки! Как здорово, что так будет всю жизнь!..

Мимо промчалась машина. Степа оторвался от Яны, проследил за ней. Машина милицейская, а остановилась у театра, где уже стояла карета «Скорой помощи». Выпрыгнули милиционеры, торопливо вбежали в здание. Степа взял Яну за руку и потянул к театру.

– Куда ты?.. Нам не в ту сторону, – растерянно бормотала она.

Подойдя к машине, отпустил девушку, заглянул внутрь. За рулем сидел знакомый водитель, поздоровались.

– Что случилось? – спросил его Степа.

– Да позвонили… трупы, говорят, на сцене лежат.

– Что?! Ну-ка, Янка, полезай в машину и жди меня.

Девушка что-то пробурчала в ответ, но Степа рванул в здание театра. Разочарованно вздохнув, Яна залезла в машину, села на сиденье и нахохлилась. Водитель решил завязать разговор:

– А кто ж ты такая будешь нашему Степе?

– Де-юре – невеста, а де-факто – жена, – ответила Яна и отвернулась к окну.

Не завязался разговор, девушка не в настроении. Водитель решил вздремнуть.

2

– Туда нельзя! – встретили его шепотом перепуганные билетеры.

Показав удостоверение, Степа попросил провести его к месту происшествия. Администратор – крупная женщина с неприветливым лицом – проводила его к сцене через зал, в котором десять минут назад он так маялся.

Занавес был открыт, два тела неподвижно лежали на первом плане сцены, отчетливо выделяясь на полу розово-лиловыми одеждами. Наметанный глаз Степана сразу заметил, что произошли изменения – убраны стол и кресла. Актеры в гриме и костюмах жались друг к дружке у кулис, не сводили потрясенных глаз с тех, кто так и остался лежать в последней мизансцене. Здесь же, у портала сцены, находились и те, кто обслуживал спектакль – рабочие в робе, гример, реквизитор, костюмеры. Все не понимали, что произошло, молча следили за работниками правоохранительных органов, которые бродили по сцене, казалось, бесцельно.

Крашенная в белый цвет и в крупных кудрях женщина что-то вполголоса рассказывала старшему опергруппы, кутаясь в вязаный жакет, хотя в театре было не холодно. Он заметил Заречного, идущего по залу, пошел навстречу, оба поздоровались за руку.

– Тут кое-что убрали со сцены, – сразу обратился Степа ко всем. – Верните на место стол и кресла.

Рабочие ринулись за кулисы, принесли мебель. Стол оказался пуст.

– Кто трогал со стола посуду? – строго спросил Степа и объяснил старшему опергруппы Микулину: – Я был на спектакле. Граждане, кто трогал посуду?..

– Я… – заблеяла пожилая женщина, испуганно мигая веками.

– Послушайте, – кисло протянул Микулин, – разве не смотрите кино? Разве не знаете, что трогать в таких случаях ничего нельзя?

– Но… понимаете… – продолжила та, – у нас выстроен поклон. Как только дают последнюю реплику – идет занавес, а мы за занавесом… тоже идем. Мы должны убрать реквизит и мебель… Это поставлено режиссером. Актеры кланяются уже на пустой сцене… Я и забрала со стола… чтобы рабочие не разбили посуду… она дорогая.

– Но актеры кланялись перед занавесом, – припомнил Степа.

– Да, сегодня, – подтвердила женщина в кудряшках. – Потому что Ушаковы не встали после… а обычно они встают и идут на поклон…

– Где она? – тихо простонал Микулин. – Посуда где?

– Принести? – и старушка живо побежала за кулисы.

– Стойте! – остановил ее Микулин. – Теперь лучше не касайтесь никаких предметов, вам понятно? (Старушка несколько раз подряд кивнула.) Граждане, никто не должен касаться предметов на сцене и за кулисами. Мда… Уффф! А теперь просим всех покинуть сцену. Идите к себе… где обитают ваши артисты? – спросил кудряшку.

– В гримерках, – отрапортовала та.

– Вот туда и идите. Освободите место для работы.

– Мы ничего не заметили, – оправдывалась за всех кудряшка. Она была еще и маленького роста, но с внушительным бюстом. – Вернее, заметили потом, когда они не поднялись. А сначала не заметили. Я помощник режиссера, слежу за порядком на спектакле, вдруг слышу – не те реплики. А я даю команду осветителям и звукорежиссеру. Они лишь по моей команде меняют свет и музыку. Смотрю в пьесу – не то говорят, Фердинанд вообще ни слова, лежит…

– Идите, – снова приказал Микулин.

Артисты и все прочие, с опаской поглядывая на трупы, побрели за кулисы. Микулин, дождавшись, когда они освободят сцену, повернулся к Степе, указал подбородком на два тела:

– Ты ничего не заметил во время спектакля?

– Честно скажу, даже не догадался, что они на самом деле… Думал, играют. Понимаешь, они выпили лимонад с ядом. Я этого момента не видел…

– Ты же смотрел! – обалдел Микулин.

– Выслушай сначала. Я не видел, как они пили, потому что дремал. Моя Янка видела, она в машине, может рассказать подробно. Позвать?

– Зови, – махнул рукой Микулин, которому жутко не хотелось заниматься этим делом, да ничего не попишешь, придется. Ему тридцать восемь, время к пенсии несется, а за долгую службу подобные ситуации надоели. Да и сердце пошаливает без положительных эмоций. Где ж им взяться, положительным эмоциям, при такой работе?

Через пару минут Яна шла по центральному проходу, разделявшему зал на две половины, с неописуемо важным видом. Ступив на авансцену, резко затормозила перед трупами, ахнула и прикрыла рот ладошкой. Да и как тут не ахнуть?! Только что видела актеров живьем, а теперь они…

У обоих были открыты глаза, на лицах толстый слой грима, особенно у женщины, румяна, тени. Она лежала на спине, раскинув в стороны руки и опустошенно уставившись вверх. Актер покоился на боку, устремив взгляд исподлобья за кулисы. Из-за грима актеры выглядели манекенами, а не людьми, небрежно брошенными куклами. Гнетущая атмосфера, какое-то непонятное напряжение, витавшее в воздухе, да оперативники, исследующие площадку и тела двух актеров, ясно говорили: здесь, на сцене, произошло нечто страшное. Но что?

– Яна, расскажи-ка тот момент, когда они пили яд, – попросил Микулин.

– Они по-настоящему выпили яд?! – едва выговорила Яна, еще не оправившись от шока.

– Этого пока никто не знает, – промолвил Микулин, лениво прохаживаясь по авансцене. – Но оба умерли во время спектакля. Меня интересует все, что они делали до этого. Рассказывай.

– Он, – указала она глазами на актера, игравшего Фердинанда, – кинул в бокал лимонада яд…

– Как кинул? Куском? Влил? Высыпал? – забросал вопросами девушку Степа.

– Ты же сам видел… – недоуменно протянула Яна.

– Я забыл, – нашелся он.

– Он высыпал белый порошок. Бокал стоял на столе… такой большой бокал, из прозрачного стекла. Так вот Фердинанд подошел к нему и высыпал. Это было хорошо видно, мы ведь в пятом ряду сидели. Потом выпил половину. Вот так, – повернулась Яна и поднесла ко рту воображаемый бокал. – Боком к нам стоял и пил. Затем заставил выпить Луизу. Она пила медленно, красиво пила. Мне так плакать хотелось, когда она пила. А после стала умирать…

– Эй, кто-нибудь! – крикнул Микулин за кулисы. Мигом примчалась кудрявая блондинка с бюстом. Явно подслушивала, потому что так быстро примчаться можно было, только стоя вблизи сцены. – Нам нужен бокал, из которого пили артисты. Где он?

– В реквизиторском цехе у Олимпиады Яковлевны, – выпалила кудряшка.

– Проводите нас к ней. А ты, Яна, иди. Ребята, – обратился он к милиционерам, – составляйте протокол, фотографируйте, а Петрович пойдет с нами. Бокальчик надо… Ай, да там теперь пальчиков море.

Петрович – криминалист со знаком качества. Это пожилой, подвижный, умный и красноречивый человек с плешью на голове в окружении седых волос, почему-то всегда торчащих в разные стороны. Многие утверждают, что ему по силам раскрыть преступление без следователей и оперативников. Конечно, подобное утверждение не что иное, как комплимент, тем не менее знания у него колоссальные и в разных областях, но касающихся его деятельности. Он оторвался от трупов, последовал за кулисы.

– А можно с вами? – попросилась Яна.

– Нельзя, – отрезал Степа. – Жди меня в машине.

Вспыхнув, Яна ушла, как и пришла, прошествовав по залу. Кудряшка с бюстом повела Степу, Микулина и Петровича узкими и темными переходами, доверительно докладывая:

– Олимпиада Яковлевна заведует реквизиторским цехом, сегодня не ее спектакль, но вела она…

– Что значит – вела? – осведомился Степа.

– Ну, готовила все, что актерам требуется по сценарию, что они пьют или едят. У нас два реквизитора, за каждым закреплен спектакль, который они обслуживают. Так все работают: парикмахеры, одевальщицы, помрежи… то есть помощники режиссера. Прикиньте, не успеешь глазом моргнуть, а Олимпиада уже все убрала. Как метеор. У нас из-за нее постоянно накладки! Все время забирает то, что еще нужно на сцене, и уносит в цех. Домой торопится! В семьдесят лет и торчала бы дома… Мы пришли.

В небольшой комнате, заваленной всяческим хламом, или реквизитом, Олимпиада Яковлевна сидела на стуле, вытянувшись в струну. Увидев вошедших людей, дернулась, словно перед ней предстали монстры. Она действительно очень быстрая, с таким же быстрым лицом и быстрыми глазами, бегающими туда-сюда со скоростью белки в колесе.

– Так, – сказал Микулин, садясь на стул и обращаясь к Олимпиаде Яковлевне. – Ничего больше не трогали? (Она мотнула головой, мол, нет.) Вы подаете реквизит и еду актерам. В чем вы подали лимонад?

– Вот, – подскочила она и, протянув руку к столу, взяла стеклянный кувшин с лимонной жидкостью. – В этом и подала. Там еще есть напиток… Я разбавляю «Инвайт».

Микулин безнадежно закивал и посмотрел на Степу. Взгляд его означал: ты таких идиоток видел? Только что сказал не трогать, а она…

– Поставьте, – проговорил Микулин. Олимпиада Яковлевна чуть ли не бросила кувшин на стол, как бросила бы ядовитую змею. – Бери, Петрович, кувшин и бокал, снимай отпечатки, потом оформим изъятие. Так. А скажите мне, что сыпал в бокал артист, играющий… э…

– Фердинанда, – подсказал Степа.

– Сахарную пудру, – живо ответила Олимпиада Яковлевна. – Всего половину чайной ложечки. Даже меньше…

– Сахар, – повторил Микулин. – Очень хорошо. Где брал сахар ваш артист?

– Мы всегда приносим сахарную пудру ему в гримерку. У нас актерам надо все в руки давать, памяти никакой, забывают, выходят на сцену без реквизита. А потом помощники режиссера на меня докладные пишут директору.

– В чем приносите сахар?

– Бутафоры сделали коробочку, такую, маленькую… – она нервно изобразила большим и указательным пальцами величину коробочки. – По типу табакерки. В этой коробочке приносила.

– А где держал он коробочку?

– Во внутреннем кармане камзола. Я ему даю в руки, а он при мне кладет в карман. Потом актер на спектакле сыпал пудру в бокал, после прятал туда же.

– Еще вопрос, – это уже Степа взял на себя инициативу. – Где находились бокал и кувшин перед тем, как их вынесли на сцену?

– За кулисами, там стоят специальные столы. Я готовлю весь реквизит перед спектаклем, а когда происходит смена картин, выношу на сцену. Или артисты сами со стола берут, а я слежу, чтоб не забыли взять. Им все время напоминать…

– Значит, кувшин и бокал стояли за кулисами долгое время без присмотра? – уточнил Степа.

– Не долгое, – возразила Олимпиада Яковлевна. – Кувшин и бокал на подносе я приношу в конце первого акта, перед антрактом, чтобы не загромождать стол. Актеры неаккуратные люди, заденут посуду, разобьют. У нас из шести бокалов осталось два…

– Тогда я примерно могу сказать, сколько времени бокал и кувшин находились за кулисами до того, как их вынесли на сцену, – приблизительно час пятьдесят, – сообщил Микулину Степа.

– Знаете, молодой человек, – с чувством горькой обиды произнесла она, – я на театре сорок лет. На моей памяти ни один актер не умер на сцене, потому что ел или пил там. Что же мне, охранять прикажете реквизит? Простите, но реквизит находится с обеих сторон сцены, а я на две части разорваться не могу.

Старушка шмыгнула носом, а минуту спустя и вовсе расплакалась. Она чувствовала себя виноватой, как будто сама подсыпала яд. И в гадючьих глазах Катьки Кандыковой светилось: ты, старая клюшка, отравительница.

– Олимпиада Яковлевна, – обратился к реквизитору Степа, – почему вы вели спектакль? Ведь сегодня не ваша очередь.

Она бросила красноречивый взгляд в сторону помрежа, который должен был сразить наповал Катьку Кандыкову: успела доложить, мерзавка! Та одарила ее в ответ ехидной миной, сменившейся видимым торжеством, а затем все внимание переключила на главных действующих лиц – ментов.

– Это и спектакль не мой, его ведет Галочка, – оправдываясь, сказала Олимпиада Яковлевна. – Но я знаю все спектакли, это входит в мои обязанности, того же требую и от Галочки. При необходимости мы подменяем друг друга…

– Так что случилось? – настаивал на конкретном ответе Степа. – Почему вы сегодня подменили Галочку?

– Да что ж тут особенного! – всплеснула руками Олимпиада Яковлевна. – У Галочки свекровь приезжает, она отпросилась. Что тут преступного?

– Ничего, – заверил Степа.

После этого «ничего» менты задумались. Олимпиада Яковлевна, понимая, что задумчивость связана с кувшином и бокалом, сквозь горькие слезы пролепетала:

– Я этого не делала.

– Что именно? – равнодушно полюбопытствовал Микулин, даже не взглянув в ее сторону.

– Я не травила актеров, – жалобно всхлипнула Олимпиада Яковлевна. – Они на всех спектаклях пили «Инвайт» и оставались живыми…

– А кто здесь говорил об отравлении? – невесело усмехнулся Микулин. – Пока не было экспертизы и вскрытия, никто не может сказать, в результате чего наступила смерть. Так что успокойтесь.

– Да? Успокойтесь? – справедливо вознегодовала Олимпиада Яковлевна. – Мне теперь прохода не будет. Вон эта (кивок в сторону Катьки) всем разнесет, что из-за моего реквизита… актеры…

– Не разнесет, – убежденно произнес Микулин, в упор посмотрел на кудряшку с бюстом и внушительно сказал: – Запрещается разносить в интересах следствия.

Покинув убогое помещение с громким названием «реквизиторский цех», Степа и Микулин в сопровождении кудряшки направились в гримировальную комнату.

3

Все служители Мельпомены, начиная от актеров и кончая рабочими сцены, находились в одной гримерке – мужской. Наверняка гадали, что да как произошло в их храме, но, когда вошли представители закона, приумолкли, сникли. Лица у всех без исключения несли на себе печать трагедии. «Да, одно дело эту трагедию разыгрывать перед зрителями и совсем другое дело быть ее участником в жизни, – подумал Степа. – Вон какие все потерянные, не то что во время спектакля, когда знали, чем все кончится».

– Ну-с, господа… – сказал Микулин и обвел по очереди всех строгим взглядом.

Господа и не господа замерли со смешанным выражением ужаса и отчаяния. В этом «ну-с, господа…» угадывался вопрос: кто из вас укокошил коллег? Ведь совершенно очевидно, что одновременно два актера не могут уйти из жизни просто так, значит, им кто-то помог покинуть этот мир. «Инвайт», конечно, отрава, но не до такой же степени! «Ну-с, господа…» – это открытое подозрение, что не посторонний человек, а некто из присутствующих в гримерке выбрал удачный момент и убил артистов прямо во время спектакля. Да, незаконченная фраза «ну-с, господа…» освободила всех от первого шока после загадочной смерти и заставила каждого невольного участника трагедии посмотреть вокруг: а действительно, кто?

Головы артистов и неартистов медлительно, как во сне, поворачивались, а перепуганные глазенки искали того, кто убил. Степе показалось, что всем им очень страшно от сознания, что убийца находится среди них в этой комнате и так же искренне удивлен и напуган событиями. Однако! Он, убийца, на самом деле здесь. Среди труппы началось шевеление, затем все как-то разом уставились на Микулина, дескать, ответь немедленно: кто из нас, ты должен знать! А Микулин, посмотрев на каждого в отдельности, всего лишь поинтересовался:

– Где рабочее место вашего Фердинанда?

Снова услужливо показала место погибшего артиста кудряшка с бюстом. Микулин прошел к столику с зеркалом. Степа остался у порога в гримерку, не спуская взора с артистов, они его интересовали гораздо больше, чем стол, за которым гримировался Фердинанд. Вряд ли Микулин обнаружит улики у потерпевшего, а вернее сказать, навеки почившего. На стене над зеркалом висели большие и маленькие фотографии, запечатлевшие все того же Фердинанда в разных ролях. Снимков было много, любил себя на фотографиях, иначе не развесил бы в таком количестве собственные изображения. Вещи его аккуратно сложены на стуле, а на столе лежали открытая коробка грима, вазелин, рассыпчатая пудра и салфетки. Микулин изучал ящики стола, как вдруг напряженная пауза разорвалась:

– Я знала… я знала, что произойдет что-нибудь подобное.

Это сказала актриса, игравшая роль леди Мильфорд. Сказала и разрыдалась, упав корпусом на столик, а лбом уткнувшись в руки. Высокий парик съехал на сторону, приоткрыв собранные в пучок волосы.

– Прекрати истерику, – пробасил актер, игравший папашу Фердинанда.

Оба папаши сидели здесь же. Они были похожи друг на друга, как борцы сумо, разница лишь в росте – папаша Фердинанда вдвое выше папаши усопшей героини. Но овал лица, двойной подбородок, выдающийся далеко вперед живот, даже цвет глаз схожи, словно актеры являлись братьями.

– Стало быть, вы знали, что двое ваших актеров умрут во время спектакля? – спросил Микулин, шаря по карманам пиджака Фердинанда.

Леди Мильфорд приподняла голову, растерянно захлопала приклеенными ресницами. По щекам ее текли слезы, оставляя черно-синие потеки. Микулин, не найдя в вещах Фердинанда ничего достойного внимания, облокотился о стол руками и посмотрел на леди:

– Так что вам известно о сегодняшних событиях?

– Ничего, – пролепетала она, всхлипывая и воровато поглядывая на собратьев. – О сегодняшних… я ничего не знаю. Я предполагала, что скоро друг дружку все убивать начнут. Просто у нас в театре обстановка, от которой недолго помешаться.

– Конкретней, – проговорил Микулин и выпрямился.

Она пожалела о сказанных словах, ибо коллеги смотрели на нее отстраненно, надев маски непричастности ко всему происходящему. Вот и вышло: нечаянно поддавшись эмоциям и неосторожно раскрыв рот, причастной оказалась она. Леди Мильфорд перестала рыдать, нервически вытирала щеки и глаза бумажной салфеткой и одновременно искала выход из трудного положения. А служители закона ждали дальнейших разъяснений, ждали от нее. Леди выпрямила спину, подняла подбородок и с гордым видом окинула взглядом присутствующих. Нет, никто не собирался ее поддерживать, никто и не подумал пояснить обстановку, повлекшую смерти. Тогда она, набравшись мужества, выпалила:

– А вы разве не видите? Все боятся слово сказать, потому что боятся увольнений. У нас сплошные заговоры в театре, каждый отвоевывает место за чужой счет…

– Нонна, ты перебираешь, – вставил Подсолнух, игравший папашу главной героини, от которой теперь останутся одни воспоминания.

– Да нет, это вы все перебираете! – окрысилась Нонна, или леди Мильфорд. – Перебрали! И ты в частности! Не надо делать таких лиц, будто вы не догадываетесь, что произошло. Кто-то убил Ушаковых. Убил на сцене. Да что тут гадать – их отравили! А почему? Неужели вы станете отрицать, что атмосфера в театре отвратная? Все друг другу не доверяют, каждый только и ждет, когда его товарищ утонет, или помогает ему утонуть! Потому что, когда в штатном расписании появятся свободные единицы, зарплату кому-то увеличат на пятьдесят рублей! Разве не так?

Степа из потока обличительных слов ничего не понял, но решил все-таки уточнить.

– Значит, – он осторожно подбирал слова, так как «убил» и «отравили» уже прозвучало, а доказательств пока нет, – причина смерти актеров в пятидесяти рублях к зарплате?

– Господи! – отчаянно взвизгнула Нонна. – Не надо так буквально понимать! Причин много. Я говорю совсем о другом.

– О чем же? – подхватил Микулин.

– О том, что все доведены до звериного состояния… – заревела Нонна.

– Успокойся, – подлетел к ней актер, игравший незначительную роль в спектакле, обнял рыдавшую в голос женщину за плечи.

– …если мы уже дошли до того, что… – захлебывалась она, никак не успокаиваясь, – … что… кто-то пошел на убийство… мне страшно здесь находиться!

Истерика набирала обороты. Худой как швабра актер по фамилии Галеев подал Нонне воды в стакане, налив из-под крана. Она взяла и уже поднесла к губам, намереваясь выпить воду, как вдруг кинула стакан на пол, закричала:

– Не надо мне воды! Я боюсь тут даже этим воздухом дышать!

– Ты совсем ошалела? Вода из крана! Я при тебе налил! – обиделся Галеев и с достоинством уселся на прежнее место, достал сигарету, мял ее.

– Все равно не буду пить! – бормотала, плача, Нонна. – Никому не верю. То, что произошло, это… это…

Не найдя слов, она снова разрыдалась в голос. Микулин попросил показать рабочий стол погибшей актрисы. Кудряшка повела через сцену на противоположную сторону, не решаясь смотреть на трупы, которые еще там лежали.

В женской гримерке застали интересную картину. Актриса лет пятидесяти с хвостиком, ее Степа тоже запомнил, уже переоделась и, стоя у окна, пила из горлышка бутылки. Заметив вошедших трех человек, она поспешно спрятала бутылку за спину и тоном извинения оправдалась:

– Я тут… э… попить решила…

Гримерку постепенно наполнял запах сивухи.

– Без закуски? – фыркнула кудряшка.

– Ой, не надо подначивать, – огрызнулась очень «культурно» актриса и плюхнулась на стул. – Тоже мне, трезвенница!

– Оставьте нас наедине, – попросил Микулин кудряшку. – Постойте. Принесите список всех, кто был занят в спектакле и кто обслуживал его. Я буду вызывать по списку, а вы обеспечьте изоляцию допрошенных свидетелей. – Видя, что кудряшка про изоляцию ничего не поняла, добавил: – Те, кого допрошу, не должны встречаться с теми, кто еще не допрошен.

Когда она вышла, актриса заткнула горлышко пробкой из плотно свернутой газеты, поставила бутылку водки на пол рядом с собой и уставилась на ментов с самым подобострастным выражением.

– Где место Ушаковой? – спросил Микулин.

Актриса молча указала подбородком на стол в углу. Он исследовал столик, где в беспорядке валялись гримировальные принадлежности, да и одежда была брошена на стуле кое-как, затем достал папку, авторучку. Положив лист чистой бумаги на папку, обратился к актрисе:

– Ваши имя и фамилия.

– Овчаренко Клавдия Анатольевна, – ответила она.

В это время кудряшка принесла программку спектакля:

– Я отметила галочками фамилии тех, кто был сегодня занят.

– Отметила! – хмыкнула Клавдия Анатольевна. – Она всех отметит, и подметит, и заметит, и заложит.

– Клава, прекрати! Людей постесняйся, – строго сказала кудряшка, затем вышла, неодобрительно качая головой.

Степа проверил, хорошо ли она закрыла за собой дверь, оседлал стул. Присмотревшись к Овчаренко, болтавшей ножкой, закинутой на колено, сделал вывод, что ей много меньше лет, чем ему показалось на первый взгляд. Явное пристрастие к алкоголю – отечность, мешки под глазами, да и повадки выдавали человека пьющего, причем сильно пьющего. Тем временем Микулин почесал затылок, не представляя, о чем спрашивать эту раскрашенную (она не успела снять грим) и пьяную куклу. Степа пришел на помощь:

– Не возражаешь, если я допрошу? Я все же смотрел спектакль…

– Валяй, – согласился Микулин, приготовившись писать.

– Клавдия Анатольевна, – начал Степа, – Ушаковы были муж и жена?

– Почти в разводе, – ответила Овчаренко.

– Как это – почти? Можно состоять в разводе или в браке, но «почти» странно звучит, не находите?

– Ой, я уже ничего не нахожу, – отмахнулась Овчаренко и наклонилась за бутылкой. – У меня от всего этого один кошмар в душе. Хотите? – предложила бутылку по очереди ментам.

– Гражданка, – протянул Микулин, – как вы себя ведете? Мы вас сейчас…

– Не пугай, мне и без тебя страшно. Так не хотите? Ну как хотите. – Она вынула газетную пробку, сделала несколько глотков, словно выпила компот, заткнула горлышко и поставила на пол. – Вы хоть представляете, что чувствует человек, отыграв спектакль и видя своих коллег в образе… трупов?! Нет? А у меня нет слов… описать… мое состояние.

Все-таки ее развезло, впрочем, в бутылке было меньше половины и, надо полагать, выпила ее она одна. Микулин безнадежно махнул рукой и глазами спросил Степу: что будем делать? Тот кивнул, мол, продолжим. Овчаренко не заметила бессловесных переговоров, поставила локоть на гримировальный столик, обхватив пятерней подбородок, проникновенно заговорила, поминутно вздыхая:

– Жуткая смерть. Вот так живешь, копошишься, а потом – раз! Не так страшно подохнуть от… инфаркта там… от гриппа… А вот… это страшно. Я тут сидела одна… и так тоскливо стало… мрак! Видите эти стены? Я в них торчу со дня окончания театрального училища, да. Всю свою жизнь я провела в этих стенах, и все. Ну, гастроли. Были когда-то, сейчас мы никуда не ездим. И что, чего я добилась? Заслуженная артистка, а кто обо мне знает? Кто знает в России, что есть такая Овчаренко? Мне до пенсии восемь лет, а потом что? Выкинут. Всех выбрасывают! Я пока держусь. И думаете, мне хорошо, что держусь? Нет… мне нехорошо. Я нищая, живу от зарплаты до зарплаты, которая заканчивается, как месячные, в три дня. А я живу! И подличаю. Потому что не мыслю себя без театра. А театр не принес мне ничего, кроме боли. Но без него не могу. Как тут быть? А? Вот скажите: как быть?

– Клавдия Анатольевна, – остановил поток откровения Степа, – а что, Ушаковы конфликтовали с коллегами?

– Пффф! – заерзала она. – Конечно. В нашем храме все конфликтуют! Кто скрыто, кто открыто… по-разному. Одним словом, храм… хрям-хрям, и нету.

– А вы конфликтуете?

– Я похожа на дуру? Я хочу играть. Хочу работать. А работу, роль, не получишь, кон… конфликтуя.

– Так, ясно, – сказал Степа, понимая, что Овчаренко допрашивать все равно что воду ситом черпать. – Не скажете ли, с кем именно конфликтовали Ушаковы?

– Ну… э… со многими. Знаете, я сейчас не в том настроении, чтобы оценить и вывод сделать. А по секрету скажу, – она перешла на шепот, подавшись корпусом вперед, – мне жить не надоело. Я плохо живу, но живу. Уж лучше так, чем никак.

– Хорошо, подпишите и идите, – протянул ей исписанный лист Микулин, которому диалог с пьяной бабой попросту надоел.

– Не, не, не! – замахала та обеими руками. – Ничего подписывать не буду.

Невозмутимый Микулин несколько растерялся:

– Да вы что, гражданка! Я вас привлеку…

– Привлекай, привлекай, – засобиралась Клавдия Анатольевна, не забыла водку сунуть в сумку. Вскочила, повалив стул, ринулась за пальто, висевшее на вешалке. – Вдруг я не то там… Завтра прочту и, может быть, подпишу… а так… не в том градусе…

– Пальто не трогать! – гаркнул Микулин, она отдернула руки. – Пока не закончен опрос свидетелей, никто не выйдет из здания театра.

– А как же я домой пойду? – в удивлении развела она руками. – Без пальто холодно.

– Вы что, не поняли? – свирепо прорычал Микулин, поднимаясь с места. – Или вам наручники надеть, чтоб понятней стало?

– Не надо! – выставила она вперед ладони, защищаясь от него. – Не надо наручников. Я все поняла. Не пойду домой, подожду. Я все поняла.

Овчаренко метнулась за дверь, а Микулин в сердцах бросил папку и авторучку на стол. За сегодняшний вечер он впервые вышел из себя:

– Они что, все тут пришибленные? Я от кого-нибудь добьюсь вразумительных ответов или нет?

– Ты же только начал допрашивать свидетелей…

В это время послышался грозный женский голос, переставший в крики, и чеканящий шаг. В данной обстановке все эти громкие звуки показались не столько нелепыми, сколько дикими. Два трупа еще не остыли, а кто-то бесцеремонно разорался.

– Неужели еще кого-нибудь пришили? – обреченно вздохнул Микулин.

– Пойдем посмотрим, – сказал Степа, вставая.

4

Нет, никого не пришили, во всяком случае, пока. Это пожаловала директор театра, срочно вызванная администратором по случаю ЧП. Директор – высокая и худая женщина лет шестидесяти пяти, однако в сапогах на высоких и тонких каблуках, с рябым и некрасивым лицом, с химической завивкой, слегка растрепанная – наверняка ее подняли с постели. Стоя на сцене, она сурово свела брови к переносице и без того тонкие губы поджала, раскрыла блеклые глаза во всю ширь, глядя на тела, которые успели положить на носилки и накрыть простынями. Атмосфера заметно накалилась, хотя ни один из работников театра не рискнул предстать перед очами директора, а воздух, казалось, задрожал в ожидании взрыва. «Ну и ну! Одна тетка привнесла с собой ядерный заряд», – отметил про себя Степа и посмотрел на Микулина, который, как буйвол после ярма, уставился на новое действующее лицо, дескать, этой только не хватало.

– Что здесь произошло? – рявкнула директор, распахнула демисезонное пальто и поставила руки на бедра. По всему было видно, это пришла бесспорная, полноправная хозяйка сего заведения. – Что, я спрашиваю, здесь произошло? Какое ЧП?

Администратор, находившаяся у сцены внизу, – ни слова. Физиономия ее приобрела выражение обиды, как будто только что именно администраторшу обвинили в отравлении артистов. Степа разглядел еще одного человека, которого сразу не заметил из-за… да, из-за его незаметности. Неопределенного возраста, маленький, невыразительный мужчинка сидел, вжавшись в кресло первого ряда. Изредка его голова осторожно выныривала из тени, приподнимаясь над креслами, как головка черепахи из панциря, в такой момент Степа и заметил его. Тип неприятный, неприятно поблескивали и очки на его носу, а маленькие бесцветные глазки следили за всем поверх них. Тем временем директор, не дождавшись разъяснений, гаркнула:

– Где помреж?

– Я здесь, Эра Лукьяновна, – опасливо выглянула из-за кулис кудряшка с бюстом. Кажется, появлением директрисы она была напугана больше, чем двумя трупами, не вставшими на поклон в конце спектакля. Она плаксиво выговорила сухими губами: – Ушаковы умерли. Оба. Сразу. Во время спектакля.

– Почему у тебя на спектакле умерли актеры?!! – взревела директриса.

Степа незаметно прыснул. Вопрос прозвучал глупо, но что не ляпнешь в состоянии аффекта! Хотя все равно смешно и глупо.

– Гражданка, не кричите, – и Микулин двинулся навстречу директрисе. – Все же в этом дворце два трупа.

– Вы кто? – встрепенулась грозная директриса.

– Микулин, капитан милиции и старший опергруппы, прибывшей на место происшествия, – представился тот. – Могу я узнать, кто вы?

– Директор театра Эра Лукьяновна, – отчеканила та.

– Очень хорошо. Тогда я бы хотел поговорить с вами.

– Идемте, – сказала Эра Лукьяновна и ступила на первую ступеньку, намереваясь сойти со сцены. В поле ее зрения попала администраторша, которая от свирепого взгляда директрисы попятилась. А Эра Лукьяновна напустилась на нее: – Не могла мне сразу сказать? Что, язык отсох?

– Я хотела вас подготовить… – буркнула администратор, накуксившись.

– Спасибо, подготовила! – съязвила директриса, буквально сползая со ступенек, так как боялась свалиться вниз, уж больно неудобно в столь почтенном возрасте спускаться на высоких шпильках со ступенек без перил.

Сидевший на первом ряду мужчинка соскользнул с места и услужливо подал ей руку. Спустившись, Эра Лукьяновна зашагала как фельдфебель – твердо и уверенно, чему теперь не мешали высокие каблуки. Микулин оглянулся на Степу, сделал знак рукой, мол, идем со мной.

Эра Лукьяновна привела их в свой кабинет, обставленный безвкусно, но дорого. Особенно бросились в глаза искусственные цветы, сразу напомнившие Заречному о гробах и покойниках. Директриса расположилась в директорском кресле за столом, предложив милиционерам диван напротив. В кабинет приплелся и мужчинка, но Микулин вежливо попросил его выйти.

– Это наш руководитель творческого состава, – сказала в защиту мужчинки директриса. Она словно дала понять: он не может быть лишним, ну никак не может.

– Прекрасно, – произнес Микулин, садясь на диван с ковровым покрывалом. – С ним мы обязательно побеседуем, но после.

– Подожди у себя, Юлик, – сдалась директриса, мужчинка гордо вышел. – Что будете пить? Водку, коньяк, виски, вино, шампанское?

– Ничего, – сказал Микулин, хотя ему ужасно хотелось выпить. Но в этом заведении, как показали события, пить опасно. – Мы при исполнении. Ответьте, сколько человек в труппе?

– Восемнадцать, из них пять дармоедов, – откровенно высказалась она.

– Каких дармоедов? – не понял Степа.

– Известно каких! – почему-то вспылила она. И в дальнейшем Эра Лукьяновна разговаривала так, будто с ней спорят, а она доказывает прописные истины кретинам. Эта манера общения была свойственна ей со всеми без исключения. Впрочем, исключения есть – вышестоящее начальство, с которым она предельно мила. – Это те, кто ничего не делает, но регулярно получает заработную плату и еще при этом недоволен.

Она бы с удовольствием продолжила распространяться по поводу дармоедов, но ее прервал Микулин:

– Значит, в сегодняшнем спектакле занята не вся труппа, так?

– Да, десять актеров и технический персонал.

– Я знаю, мне принесли программку.

Ее тонкие, подкрашенные брови взметнулись вверх, но Микулин не посчитал нужным объяснить, почему интересовался количественным составом труппы. А интерес не праздный, если кто-то из незанятых актеров был в театре во время спектакля, само собой, он попадает в круг подозреваемых. Микулин задал следующий вопрос:

– Какие отношения были между Ушаковыми?

– Хм! – Эра Лукьяновна передернула плечами. – Он ушел к другой. Эта другая – наша молодая актриса, она тоже была занята в спектакле. Играла служанку. Должна сказать, он был редким бабником, даже за мной ухлестывал.

«Ну, ты и загнула! – возмутился про себя Степа. – Такой видный мужик не станет ухлестывать за старой обезьяной. У тебя, бабушка, мания величия. А вот служанку я, убей, не помню».

– А она? Я имею в виду, как Ушакова реагировала на его уход?

– Брошенная женщина… – развела руками Эра Лукьяновна, мол, этим все сказано. – Знаете, ей уже было все-таки тридцать семь. Ролей давно не получала, ее выставили на сокращение…

– Кто выставил? – спросил Степа.

– Художественный совет, а профком утвердил. Я к этому не имею отношения, только подписываю приказ. В нашем театре художественный совет решает, кто нужен театру, а кто нет. А она всю свою отрицательную энергию направила против меня, представляете? Бегала в управление культуры, к мэру на прием и замам мэра – жаловалась, что я ее травлю. Смешно, честное слово. И никак не хотела в зеркало посмотреться. Мы не можем содержать богадельню,

кто же тогда играть будет? На дворе уже капитализм, развиваются новые отношения. Люди должны перестраиваться, искать другие источники дохода, если не нужны предприятию, а не жаловаться по инстанциям…

Степа припомнил: «О покойниках либо хорошее, либо ничего». Циничная откровенность директрисы покоробила. Вспомнился и актер, тоже порядочный циник, но которого не привлекли к ответственности в свое время. Возможно, в театре засело скопище негодяев, тогда гибель актеров прямо на сцене не должна вызывать ни потрясения, ни удивления. Только в данном случае все же кто-то конкретный бросил яд в кувшин или в бокал, следовательно, привлечь к ответственности можно… нет, нужно!

– Я видел у вас на сцене много немолодых артистов… – начал было Степа.

– А я про что! – не дала закончить фразу директриса. – Вот из-за таких, как Ушакова, мы не можем взять молодых, ставки заняты. И не выпихнешь из театра, у нее, видишь ли, премии, заслуги, которые были когда-то…

– Положим, у нее сейчас ничего нет, – резко оборвал ее Степа. – А враги у них в театре были?

– Еще бы! Вы не знаете, что такое артисты! Это же… они из-за роли загрызть друг друга готовы. До моего прихода у них здесь одни склоки были. Меня и назначили сюда директором только потому, что возлагали определенные надежды. Если уж я не справлюсь, то с ними никто не справится. Тогда театр закрыли бы. А я его вывела из кризиса, при мне он зазвучал…

– С кем конфликтовали Ушаковы? – перебил ее Микулин.

– Я же вам объясняю. Актеры – люди очень странные, непредсказуемые, неуравновешенные. У них то один в друзьях, то другой. Завтра друг уже враг, а другом становится вчерашний враг. Это ж нонцес какой-то.

Помимо «нонцеса» Степу вообще поразила речь Эры Лукьяновны. Говорила она с произношением иностранки из ближнего зарубежья, плохо владеющей русским языком, и неправильно расставляя ударения. Речь никак не соответствовала должности директора русского театра. Подобные погрешности можно услышать на рынке, куда приезжают из приграничных селений крестьяне продать плоды своего труда, но в театре… просто «нонцес какой-то».

– Значит, конкретных людей вы назвать не можете? – уточнил Степа.

– Я думаю, нет, конечно. Я в их связях запуталась, поэтому не забиваю голову. Но ЭТО сделать мог кто угодно.

– А что именно сделать? – прикинулся недогадливым Степа.

– Убить. Не удивлюсь, если и на меня будет покушение. Они ж меня ненавидят, потому что спуску не даю… Привыкли всех директоров и рыжиссеров снимать. Это мне кто-то пакость сделал. Другим способом снять меня не могут – трупы подсунули!

– Почему вы решили, что артистов убили? – снова спросил Степа.

– А что же, они сами на тот свет отправились? Ну я выведу эту гниду на чистую воду! – пригрозила пальчиком директриса. – Он у меня пятый угол найдет! Или она!

Степа, извинившись и сославшись на желание покурить, вышел из кабинета. Он не курит и практически не пьет, просто не терпит бесполезного разговора. Его невероятно заинтриговали смерти в театре, и он, в отличие от Микулина, просто грезил распутать этот клубок. Без экспертиз понятно, что произошло двойное убийство. Отравление. Но обстоятельства, сопутствовавшие сему факту, так сказать, были овеяны флером романтизма. И кто же этот человек, придумавший такой тонкий ход – отравить актеров в то время, когда они по пьесе выпивают яд? Что преследовал? Ведь рассчитал все до мелочей. На сцене и за кулисами масса народу, так или иначе, все проходили мимо кувшина и бокала, значит, вычислить отравителя не представляется возможным, ибо кто угодно мог незаметно бросить яд – тут директриса права. А раз невозможно, значит, вдвое, втрое интересней распутывать. И сейчас Степа был занят тем, что гадал, кому же из следователей попадет дело, от этого зависит, сможет ли Степа поучаствовать

в раскрытии преступления. А Микулин что – опросит, заведет дело, которое потом сдадут в прокуратуру, и все. Хочется, очень-очень хочется покопаться…

5

Сбежав по ступеням со второго этажа в полутемное фойе, Степа задержался у портретов, развешанных по стенам. Вот они – артисты крупным планом. Лица у одних нарочито беззаботные, у других важно-серьезные, у некоторых загробно-фатальные, а у кого и философически умные. Да, на фотографиях, показалось Степе, не суть запечатлена. Очевидно, сидя перед фотообъективом, актеры тоже играли роли, играли тех людей, какими желали бы быть на самом деле. Вон и Клавдия Овчаренко счастливо улыбается, искрится вся, по фотографии не скажешь, что перед тобой заурядная пьяница.

Здесь же, в фойе, на стендах развешаны и снимки сцен из спектаклей. Степа, приблизившись насколько возможно к стендам, внимательно изучал фотографии, пытаясь узнать знакомых артистов. Роли, роли, роли… Это же не настоящие люди, а выдуманные образы. Какие они на самом деле? Тут-то и мелькнула интересная мысль…

– …и нас поодиночке, – услышал Степа обрывок фразы и притаился. Это был женский, довольно высокий голос.

– А что ты предлагаешь? – тихо произнес мужской, басовитый голос. – Опять ее снимать? Бесполезно.

– Я считаю, надо писать, – вновь сказала женщина.

– Куда? Кому? – безысходно вздохнул мужчина. – Уже писали, по инстанциям ходили, жаловались… А!

– Президенту писать надо, – настаивала женщина. – Собрать все факты, документы и отправить. У меня есть отдельная тетрадка, там все номера приказов и их содержание переписаны. Я все продумала. Отправлять надо с нарочным, чтоб письмо бросил в Москве. У нас, я точно знаю, корреспонденция в Москву проверяется прямо на почте, потом письма в высшие инстанции изымаются. А в письме надо написать, что с нами расправляются уже физически. Только нужно убедить всех, чтоб подписали.

– Со всего театра ты не соберешь подписи. Боятся люди.

– Сколько соберем. Не сидеть же сложа руки! Повторяю: нас прикончат.

– Да понимаю… – протянул мужчина, затем помолчал. – У президента без нас забот полно. И ты же не напишешь в письме, что Эпоха мокрушница? Нас привлекут за клевету.

– А я и не собираюсь писать, что она отравила Ушаковых, – возразила женщина. – Но она создала моральный климат в коллективе, способствующий этому. Прости, но совершены убийства, от них не открестишься. Если хочешь знать мое мнение, то Эпоха запросто могла подсыпать яд в бокал.

– Знаешь, Люся, ты того… – басовитый голос поменял окраску, стал вполне нормальным баритоном. – Ее в театре не было.

– Зато ее альфонс был! Не улавливаешь? Он проходил в свой бункер через сцену перед началом спектакля, а потом вышел тем же путем в антракте, кувшин и бокал уже стояли на реквизиторском столе. Ленка Ушакова с ним и с Эпохой на ножах была, Виталька Ушаков хоть и не воспылал страстью к мощам, но в последнее время лебезил. Для нашего альфонса это повод. Или мотив, называй как хочешь. Да он всех пришьет, кто посмеет оторвать от него Эпоху. Ты припомни, где он служил и за что медаль получил! Единожды убивший, убьет и вторично. Вот посмотришь, я окажусь права.

– Не знаю, может, и так… А я давно не пью и не ем на сцене. Брезгую. У Олимпиады мыши в цехе, моя Катя видела не раз. Предупреждала Олимпиаду: сделай санитарную обработку! Нет, ей все некогда.

– И мыши, и тараканы, – согласилась Люся. – Только не мышей надо бояться, ты разве не понял? Вот скандал будет! На весь город и на всю область. Короче, думай, завтра встретимся и обсудим.

– Да не соберешь ты подписи, не надейся…

Голоса перестали слышаться отчетливо, заговорщики удалялись по направлению к сцене. Степа осторожно выглянул из-за щита, стараясь разглядеть фигуры, но не успел, они уже скрылись за овальным поворотом стены. Заречный повторил шепотом:

– Эпоха. Люся. Альфонс. Служба и медаль.

В администраторской вызвал по телефону такси и выбежал на улицу. Яна спала в милицейской машине. Степа наклонился к ней, тихонечко сказал на ухо:

– Карета подана, Янка.

– Это ты? – промямлила сонно она, даже не открыв глаз. – Нашел убийц?

– К прискорбию, я не Эркюль Пуаро. Вставай, Яна.

– Тогда, значит, трупы ожили? – и не думала вставать она.

– Трупы уже в морге, – и Степа коснулся губами носика Яны. – Идем, такси ждет.

Яна тяжело поднялась, опираясь на Степу, пересела в такси, так и не проснувшись полностью. Степа назвал адрес, обнял девушку и всю дорогу думал, что завтрашний поход в бассейн, скорее всего, отменяется. А послезавтра боже упаси отменить поход в гости к родителям Янки. Но и это может произойти, если следователь согласится на его помощь. А если не согласится…

– …он будет полным козлом, – вырвалось вслух.

– Кто будет козлом? – пробормотала Яна.

– Да так, есть один…

Больше она ничего не спрашивала, а продолжила дремать. В дреме и по лестницам шла на седьмой этаж – лифт работает только до одиннадцати, и в комнате раздевалась механически. Степа лишь успел постелить постель, Яна тут же упала со стоном на кровать, укрылась одеялом и затихла. Он еще помылся под душем, выпил холодного чая с печеньем, только потом, стараясь не разбудить Яну, лег. Не спалось. Все же поход в театр оставил неизгладимое впечатление.

6

Шел четвертый час утра. Только-только уехала милиция, а свидетелей отпустили по домам. Галеев Лев остался ночевать в театре, спрятавшись под сценой. Директрисе не объяснишь, мол, бабок нет на такси, выставит на улицу все равно, в придачу разорется, поэтому пришлось унизительно прятаться. Но вот смолкли голоса, он выбрался из убежища, пришел в гримерку и долго стоял, не решаясь ни сесть, ни лечь на диванчик, давно отживший свой срок. Да разве уснуть после таких событий? Два трупа, каково?! У Галеева после спектакля волосы дыбом встали! Странно устроен человек, еще днем после репетиции поцапался с Виталиком по пустяку, который тогда не казался пустяком, Лев уже забыл даже, что послужило поводом к стычке. А в начале десятого вечера Виталик не поднялся на поклон. И Ленка не поднялась. Переполох царил за занавесом, все пытались разбудить Ушаковых, окликали их по именам, не решаясь дотронуться. В зале аплодисменты, надо было выходить на поклон. Вышли, еще не сообразив, что актеры, лежавшие за закрытым занавесом, никогда больше не встанут. После поклона зрители выходили из зала, а актеры и технический состав, примчавшиеся на панику, услышанную по трансляции, стояли вокруг Ушаковых. Машинист сцены, сидя на корточках, потрогал пульс у обоих, поднялся:

– Они, кажется, мертвые…

Мертвые – как ножом проткнуло грудь. Сразу забылись распри, неприязнь, а заколотилось тревожно сердце в груди: как же так, почему? У Аннушки началась истерика, остальные в шоке молчали. Потом вызвали милицию, «Скорую»… ждали, не уходя со сцены…

Нет, не уснуть. Галеев вскипятил кипятильником воду, бросил в кружку две чайные ложки дешевого растворимого кофе и спустился в курилку под сценой. Огляделся, словно видел этот уголок театра впервые. Здесь валялись щиты с объявлениями о спектаклях, бутафорские ступеньки, декорационные кубики, на которых можно стоять и сидеть. А тишина как в склепе.

Ходят байки, что по ночам по театру разгуливают привидения. Сам Галеев не видел призраков, но кое-кто из работников с ними встречались, особенно дежурные пожарные. Один рассказывал, что видел высокого мужчину с тростью в черном пальто и шляпе. Когда дежурный за ним побежал, предполагая, что это вор забрался, человек в черном растаял, будто его и не было. Еще рассказывали, как по зрительному залу летала прозрачная женщина, ее видели по очереди три человека. Еще ни с того ни с сего треснуло зеркало перед премьерой, летучая мышь два дня не давала репетировать – все это не к добру. В коллективе долго гадали, кто и зачем появляется по ночам в театре, пришли к выводу, что это те актеры, которые ушли из жизни рано и с обидой. Их души не находят покоя на том свете, стремятся в театр, которому отдали жизнь, ищут обидчиков.

Галеев поежился от навязчивых мыслей, которые гнал прочь, а они лезли и лезли в голову. Так и нынешние погибшие актеры будут искать обидчиков, да найдут здесь Льва в одиночестве. Дурак! Зачем остался? Эту чертовую тишину хотелось взорвать. Он кашлянул для храбрости, надеясь отпугнуть привидения, которые не любят, по слухам, шум, плюхнулся на бутафорский диван и вдруг…

– Что такое? Где я? Кто тут?

Галеев подскочил, нет, взлетел с дивана, очутившись на вершине декорационных кубиков под потолком и испустив сдавленный вопль. Внутри все клокотало, пульсировало в бешеном ритме с сердцем, а из-за спинки дивана в темном углу вылезла растрепанная голова. Горел лишь дежурный свет, в полумраке Галеев не разобрал, кто ползет из-за дивана, поэтому вторично издал вопль.

– Чего орешь, Левка? – сказало нечто хриплым голосом из-за дивана, развернутого к Леве торцом. Дряхлый диван почему-то не разрешала выбросить Эра Лукьяновна, жадность – одна из основных черт директрисы.

Нечто заговорило знакомым голосом, только Лев не разобрал, чьим. Оттого, что привидение знало его имя, Галеева охватила трясучка. Он так затрясся, что горячий кофе пролился на руки, а Лев не почувствовал. Тем временем нечто поднялось во весь рост, небольшой, надо сказать, рост, неуклюже перелезло через спинку дивана и неловко на него завалилось, попав в световое пятно. Тут только Галеев разглядел Овчаренко Клаву. Ноги подкосились, расслабилось тело, он сполз с груды кубиков на самый нижний и прерывающимся голосом выдавил:

– Так разрыв сердца можно получить. Ты что тут делаешь?

– Сплю, – ответила Клава, слегка пошатываясь. – Дай сигаретку, у меня кончились.

Галеев поставил кофе на пол, возрадовавшись, что не с призраком повстречался, и, хотя трясучка еще не прошла, достал сигареты и протянул Клаве. От нее исходил такой «свежак», что у Галеева закружилась голова. Наверняка Клавка приняла алкоголь чистоганом, то есть без закуски. Она прикурила от его зажигалки, откинулась на спинку дивана и объяснила свое странное появление:

– Мне не дали пальто! Сиди, сказали, и не рыпайся. Ну, я пришла сюда, дай, думаю, полежу. Я как Черчилль, он всегда искал место, куда сесть или лечь – где-то читала, не помню. Ой, а наши… не ожили, нет? Так и… лежат там?

– В морге лежат, – проговорил скорбно Галеев, садясь на диван рядом с Клавой.

Она покивала несколько раз, выпятив нижнюю губу, развела руками и снова покивала, мол, что-то непонятное случилось, шепотом спросила:

– А все где?

– Разъехались по домам недавно, – ответил Галеев все тем же скорбным тоном.

– А ты чего остался?

– Бабок нет. Пешком далеко топать.

– Ой, и у меня ни пенса. Слушай! Выпить хочешь?

– Я не пью, – насупился Галеев.

– Да ладно, не заливай. Не пьет он! Закодировался, честно сознайся? У тебя ампула или что другое?

– Другое, – хмуро ответил Лев.

– И как оно, не хочется? Неужели не хочется выпить?

– Хочется, – угрюмо сознался Галеев. – Код заканчивается. Опять придется…

Он парень запойный. Глоток спиртного – и он уже не он, а алконавт во всей красе. Из-за этого пристрастия его на поруки брали, гнали из театра, жена ушла с дочерью к родителям, что и побудило его закодироваться. А водка, вино и пиво ночами снятся. Особенно сейчас выпить захотелось, страсть как захотелось.

– Вот и я подумываю закодироваться, – сказала Клава, проворно вскочила, метнулась к своей сумке, выудила из нее бутылку с мизерным количеством водки. Поднеся ее к глазам, определила: – Шестьдесят грамм, на каждого по три буль. Будешь?

Лев впился глазами в бутылку. О, какое искушение! Это же нектар, бальзам, амброзия – напиток богов. Галеев, борясь с соблазном, отхлебнул кофе, глядя на бутылку в руках Клавки, как не глядят на желанную женщину. Да что женщина! Разве можно сравнить секс с чувством освобождения, которое дает душе и телу алкоголь, разгоняя в жилах кровь, облегчая боль, убивая страх, разжигая или усмиряя ненависть и все известные человечеству страсти? Ни с чем не сравнить те ощущения, когда становится легко и весело, внутри просыпается удаль молодецкая, серая жизнь меняет краски на пестрые, а преграды становятся нипочем! И это происходит всего от нескольких глотков! А потом еще добавляешь чуточку, и уже паришь над

миром, старым, занудливым миром, где тебе постоянно брюзжат: нельзя, не делай! Алкоголь разрешает все, придает силы и смелости.

– Будешь? – повторила Клава, потрясая бутылочкой.

Искушение! Не хватает воздуха. И сил не хватает сказать «нет». А во рту пересохло, пить хочется, пить. Но не кофе. А глотнуть спасительного бальзама, который излечит душу после сегодняшних страхов. Пить!

– Давай, – сдался он, и мгновенно стало свободно внутри.

Действительно, зачем столько терзаний, ради чего? Любой человек имеет право на малюсенькую радость. Готовясь к священнодействию, Галеев все же пообещал себе: завтра в рот не возьмет, но сегодня всего чуть-чуть, пару глоточков. Да и что там пить! Только губы помазать. При таком нервном напряжении от этого не охмелеешь. Но Клава вдруг достала непочатую бутылку, вызвав бешеную радость Галеева. Так у нее есть еще целая бутылка водки, а не три капли на донышке?! Клавка никак не могла открутить пробку, а Лева не предложил помощь, ибо следил за ней завороженно, повторяя про себя: «Быстрей! Быстрей!» Клава нашла способ провернуть пробку – зубами, затем выплюнула ее в сторону, этикетку принялась изучать, болтая не по делу:

– Стаканов нет. Ну ничего, мы из горлышка. Нормально. Чего нам притворяться? Мы ж с тобой не ханжи какие-то. Все пьют, только не попадаются. А мы залетаем. Ну и ладно. Пусть мы с тобой алкоголики, я знаю, нас так называют. В сущности, чем алкоголик хуже гипертоника? Та же болезнь. А водочка фирменная. Я на такие сосуды только смотреть хожу, как на экскурсию. А помнишь, в совдепии всего два сорта было: три шестьдесят две и четыре двенадцать до первого повышения? А теперь – залейся. Не прощу совдепии, что скрыла от меня ассортимент водки и прокладки с тампонами. Нельзя так издеваться над женщиной. – Клава протянула полную бутылку Галееву. – На, пей из этой, а я старую добью. Ну, будем.

Он схватил сосуд, шутливо приложил к бутылке Клавы, мол, чокнулись, но она:

– Не, не! Сегодня не чокаясь. Помянем. Знаешь, что скажу… (Галеев нетерпеливо сжимал бутылку, Клавке поговорить охота, а из уважения нельзя не слушать бредни.) Между нами, зря ведь Ушакову долбили. Артистка она была неплохая. Но, как говорится, не пришлась ко двору. Гонору много имела. В нашем положении гонор лишняя вещь. А Виталька сволочь был, прости господи. Ну да что теперь, за упокой душ убиенных…

Клава опустошила свою порцию, утерла губы ладонью, пустую бутылку поставила за диван. Галеев поднес ко рту горлышко и ощутил завораживающий запах, проникающий в каждую клеточку. Каждая клеточка мечтала напитаться водкой. Сейчас прольется внутрь живительная влага и… Он сделал глоток, еще глоток, третий… пожалуй, хватит, это же чужая водка. Ну, четвертый… и совсем маленький пятый, а потом заключительный аккорд – шестой. Вот теперь можно передохнуть. Он оторвался от горлышка, шумно вдохнул воздух и зажмурился, чувствуя блаженство в чреслах. Кайф!!! Когда Галеев открыл глаза, счастливо сиявшие, Клава полюбопытствовала:

– Ну и как? Код не помешал? (Галеев восторженно мотнул головой – нет!) Знаешь, мне рассказывал один мужик, что даже вшиться не страшно. Ну, в смысле – не страшно потом выпить. Рецептом поделился. Перед принятием спиртного надо выжать сок одного… или двух? Да, двух лимонов. Выпить сначала сок, после этого пей, и никакие там ампулы… ничего! Сам так делал. А то вошьешься и мучайся, всеми фибрами души ощущай ампулу в заднице. А потом как не сдержишься и – фью! К праотцам отправишься безвозвратно. Я туда не хочу раньше срока… Ты чего? Эй!.. Лева…

Галеев замер, словно его заколдовали. Вдруг подбородок его начал опускаться вниз, подниматься… снова и снова…

– Блевать тянет? – посочувствовала Клава. – Значит, все же код действует. Смотри-ка, не врут эскулапы!

Галеев не отвечал, вытаращил глаза, его худое и морщинистое лицо побледнело, губы посинели. Он поднялся на ноги, сделал несколько шагов к выходу и повалился на пол, корчась в судорогах.

– Ой! – взвизгнула Клава. – Левка, что с тобой? Не пугай ты меня.

Он еще немного подергался и затих, лежа на боку. Клава некоторое время рассматривала его так и эдак, не понимая, что за выкрутасы он устроил и зачем. Сидел себе, разговаривал, вдруг – брык! Что за ерунда? А он все лежал на цементном полу, не собираясь вставать. Позвала его по имени – не откликнулся. Тогда Клава слезла с дивана, шатаясь, приблизилась к нему. Споткнулась о цементный выступ, грохнулась на Галеева.

– А, черт! – потирала ушибленное место ниже поясницы. – Лева…

Клава перевернула его на спину. Глаза закрыты.

– Лева, ты случайно не умер? – пошутила она.

Молчание со стороны Галеева почудилось Клаве розыгрышем, но заставившим волноваться, она слегка толкнула его:

– Ладно тебе, ты хороший артист, хороший. Вставай, Лева, примем еще по чуть-чуть. – В ответ ни звука, ни движения. Клава вдруг улыбнулась, приблизила губы к его уху и прошептала тоном заговорщика: – Левка, клянусь, что проголосую на художественном совете за повышение твоей ставки! А?

И посмотрела на его реакцию, лукаво прищурившись. По ее мнению, он должен был вскочить и заплясать от радости, ну а потом обмыть обещание. Ставку Леве постоянно рубили из-за пристрастия к алкоголю, а точнее, из-за того, что срывал в нетрезвом состоянии спектакли. Она тоже робко поднимала ручку против повышения его зарплаты по указанию директрисы. Зачем было разыгрывать на художественном совете эти представления, она не понимала, но каждые осень и весну Галеев выдвигался на повышение зарплаты, а потом успешно задвигался обратно. Он же после «задвижения» запивал. Все повторялось два раза в год с неизменной цикличностью.

Клава выпятила нижнюю губу: реакция у Левы нулевая. Клава рассердилась, стукнула его по плечу:

– Кончай пугать! В нашем серпентарии и без твоих шуточек страшно аж жуть.

Галеев и на этот жест не отреагировал, и вообще, лежал безжизненным бревном. Клава перевела взгляд на грудь Левы – не дышит. Но может быть, он дышит незаметно? Она поднесла к его носу руку – никакого движения воздуха. Помимо воли, на нее напала дрожь, как после тяжелого похмелья. Клава затрясла Галеева за плечи, подвывая:

– О-о-ой… Левочка… ты правда умер? Ну скажи, умер, да? О-о-ой… не умирай… будь человеком, не умирай…

А сердце? Вдруг сердце бьется? Она приложила ухо к груди. В груди тихо, как в театре. Умер! – ударило ее так, будто пропустили через Овчаренко электрический ток высокого напряжения. Клава, мигом протрезвев, отползая от него на четвереньках, сначала шептала, затем шепот перешел в крик:

– Помогите! Кто-нибудь! Помогите! Милиция!.. На помощь! Аааа!!!

И понеслась Клава по лестнице вверх, перескакивая через ступеньки. Она бежала темными переходами, крича, словно встретилась с чудовищем. Споткнулась о ковровую дорожку, упала, но не переставала кричать, пока не достигла комнаты дежурного. Дежурный, перепуганный насмерть воплями, дверь не открыл, а предупредил:

– Я звоню в милицию. Все, набрал номер…

– Ой, звони! – завыла Клава, тарабаня по двери. – Звони, миленький, и открой! Мне страшно одной. Вызывай всех! Всех зови! Открой!

– Милиция? – раздалось за дверью. – Срочно выезжайте в театр, у нас опять ЧП. Грабитель забрался в здание театра! Дверь ломает, срочно приезжайте!

– Да пусти меня! – билась всем телом в дверь Клава. – Пусти, гад!

– Все, позвонил, – отозвался дежурный. – Чего орешь? Ты вообще кто?

– Овчаренко я, Клавдия Овчаренко… Пожалуйста, открой!

– Заслуженная артистка?

– Да! Да! Пусти меня, скотина! Я боюсь! Я тебя, гада…

Он приоткрыл дверь, чтобы убедиться в правдивости слов невесть откуда взявшейся женщины, называющей себя Овчаренко. Но Клава навалилась на дверь, приложив все силы, и вломилась в комнатку дежурных. Показывая в неопределенном направлении, проговорила хрипло:

– Галеев… там… Я его… а он никак… Никак он! Слышишь? Никак!

И грохнулась в обморок.

II. А день грядущий приготовил…

1

Степа встал раньше Яны, сделал легкую гимнастику. Обычно он еще и бегает вокруг дома, не столько о здоровье печется, сколько форму держит. Да и нравится по утрам пробежка, утренний воздух. Но сегодня он проснулся немного позже обычного и на бег уже не было времени. Он приготовил кофе, бутерброды и, подсев на постель, тихонько позвал:

– Яна…

Она повернулась на другой бок и с головой укрылась одеялом. Степа пощекотал ее пятку, Яна дернулась и проворчала:

– Я сплю.

– Тебе в институт, – напомнил Степа, стаскивая с девушки одеяло.

– Первую лекцию пропущу, – уцепилась она за одеяло.

– Не пропустишь. Мне не нужна жена недоучка. Поднимайся, завтрак готов. Или тебе в постель кофе подать?

Тут Яна окончательно проснулась, села, глядя на Степу округлившимися глазами, подозрительно спросила:

– Степочка, что случилось? Ты приготовил завтрак? Ай как интересно… Ну, давай кофе в постель, давай.

Он поднес ей чашку на блюдце. Яна сделала глоток, затем снова уставилась на Степу с изумлением:

– И сахар положил…

– Мало? Я добавлю.

– Нет, нормально. Просто у меня с сегодняшнего дня диета, сахара нельзя… но ради такого случая я отменю диету. А обед ты тоже приготовишь? И ужин? Я все съем.

– Ну, ты, мать, даешь! – хмыкнул Степа, поражаясь женскому коварству. Ни на йоту нельзя послабления давать. – Сегодня я тебе сделал подарок, а подарок потому так и называется, что он редкость. Так что на ужин не рассчитывай, если ты не приготовишь, его никто не приготовит. А теперь подъем!

Степа подхватил Яну на руки и понес в душ.

Не успел Степан переступить порог УВД, как дежурный окликнул:

– Заречный! К Куликовскому на ковер.

– В честь чего это? – удивился Степа и поторопился в кабинет зам. начальника.

Давно не требовал к себе Кулик, с весны, а прошло ни много ни мало пять месяцев. Неужто опять случилось сверхъестественное событие? Вот некстати!

Войдя в кабинет, моментально оценил, что Кулик не в духе. Его грузное тело ссутулилось над столом, был он хмур, разговаривая по телефону, указал Степе на стул глазами, не поздоровавшись. Да, явно что-то случилось, иначе Куликовский хоть на миг, но оторвался бы от телефона, обычно он бывает вежливым. Положив трубку на аппарат, Семен Сергеевич выжидающе уставился на Степана, словно пришел тот по собственной инициативе, затем, набрав воздуха полную грудь, начал:

– Все. Достали меня крупно.

И замолчал. Как будто Степа сам должен догадаться, кто да чем его достал!

– Вчера моя соседка, – все же продолжил Куликовский, – шла поздно вечером домой через территорию металлургического завода. Ты же знаешь, в обход идти долго, да оно и через

завод путь не близкий! – вспылил, потому что Степа не догадался о чем речь. – Ну вот. На нее напали бомжи. Где-то кантуются под трубами, там же тепло. Ну сумочку отобрали – полбеды, хорошо еще, не надругались над женщиной! А она, прямо скажу, интересная внешне. И вот результат: соседка с сердечным приступом попала в больницу. И это не единичный случай.

– Извините, – вступил в диалог Степа, – а я чем могу помочь?

– Степан, прошу тебя как человека. Сделай так, чтоб ни одного бомжа там никогда больше не было. С начальством твоим я только что договорился, бери в помощь кого хочешь, но чтоб их на территории завода… ты понял.

– Семен Сергеевич, – недовольно протянул Степа, – ну что это за дело – с бомжами воевать? Снарядите туда наряд милиции…

– Ты как разговариваешь? – елейно сказал Куликовский. Он обожает ставить на место неслухов тихо и мягко. Но это только начало. А далее обычно следует отборный мат. – Это приказ, а приказ, как известно, не обсуждается. И потом, наряды милиции там были не раз, но бомжатник не находили. Так, хватали отдельных индивидуумов, а они все равно живут на территории завода и совершают разбойные нападения. Мало того, не так давно там был обнаружен убитый, тоже бомж, охрана завода организовала рейд. И что ты думаешь? Бомжей как корова языком слизывает. Придумай что-нибудь, Степан, ты ж у нас с головой, но чтоб духу их там не было. Ступай. Ну что еще?

– Я хотел спросить, вы не знаете, к кому попадет дело по театру. Я вчера был на спектакле, двое артистов…

– Трое, – поправил Куликовский.

– Двое! Я там был…

– … мед-пиво пил, знаю. Трое, Степа, трое. Микулин едва вернулся из театра, как снова его группе достался вызов и туда же. Актер Галеев выпил с заслуженной артисткой Овчаренко водки, когда в театре уже никого не было, и… Она жива, а он в морге.

– Ну и ну! – вытянулось лицо у Степы. – Так кто будет вести следствие?

– А тебе зачем?

– Да так… – замялся Степа. Но от Кулика лучше ничего не скрывать, он либо догадается, либо ему доложат. – Я бы помог следствию… немножко. Вчера кое-что пришло на ум…

– Степан! – строго прикрикнул Куликовский. – Ты это брось!

– Что именно?

– В следственные органы потянуло? Брось, брось. Ты неплохой опер, можно сказать, хороший опер, вот и занимайся сыском. Это нужное дело, ответственное.

– Угу, поэтому вы вместо сыска приказываете разогнать бомжей?

– Так надо же еще найти их месторасположение, – лукаво улыбнулся Куликовский. – А это под силу лишь оперативнику. Не кисни, не кисни. Здесь работа творческая, можно сказать, а в следствии рутинная, одни бумажки составляют. Разве это интересно? Сам подумай. Даю тебе на все про все… недели хватит? Думаю, за неделю управишься. Помоги, Степа, гражданам города, это твой долг. А мы всегда отметим заслуги.

Ох и язвительно же прозвучало про долг! Степа поднялся, негодуя внутри на злодейку судьбу в образе Куликовского, подсунувшего бомжей, и пошел к двери.

– Стой! – приказал Семен Сергеевич. – Если так жаждешь помочь прокуратуре, то помогай. Но в свободное от работы время. А у тебя его не будет. Ступай.

Степа вышел из кабинета злющий как черт. Кулик о соседке печется! Ага, соседка. Да наверняка его пассию ограбили, потому и разозлился Кулик на несчастных бомжиков. Подумаешь, забрали сумочку! Людям тоже есть надо. А Степа теперь из-за пассии Кулика вынужден будет по помойкам ползать.

Во дворе управления стояли сыщики, курили и ржали, наверное, анекдоты травили. А впрочем, нет худа без добра. Как сказал Кулик: «Бери в помощь, кого хочешь»?

– Спасибо за идею, – усмехнулся он, так как идея родилась мгновенно.

Заречный с пристрастием отбирал из оперативников подходящую кандидатуру. Получил бы задание за маньяком гоняться, тогда бы и не думал отлынивать. Но ничего, теперь он в выигрыше окажется вдвойне. Если театральное дело попадет незнакомому следователю и тот откажется от его помощи, Степа отдохнет, совершит все запланированные мероприятия с Янкой. Это худший вариант. Знакомый же следователь от него не отмахнется, рад будет, что с ним пашет еще кто-то.

Остановил выбор на Косте Луценко. Парень что надо, правда, есть один существенный недостаток – молодой. Но это ничего, поправить можно. Степа насмотрелся в театре, как актеры меняют внешность, кажется, это не трудно. Подозвав его, отошел с ним в сторону и за дело:

– Так, Константин, тебе велено поступить в мое распоряжение. Кулик приказал. Поехали к тебе, следует провести психологическую подготовку, легенду состряпать, лицо подправить. Будем играть пьесу в моей постановке. Но сначала заедем в прокуратуру.

В прокуратуре заскочил к приятелю, кабинет был пуст. Степа нашел его в приемной, тот диктовал секретарше.

– Можно тебя на минуту? – подозвал. Когда вышли в коридор, спросил: – Кому дело по театру досталось?

– Точно не знаю, кажется, Волгиной.

– Да ты что! – воскликнул Степа. – Я пошел, извини.

Оставив в недоумении приятеля, рванул к Волгиной, в душе сомневаясь, что удастся столковаться. Она девчонка нормальная, в смысле вежливая. Только тщеславная, своенравная и высокомерная. Все доказать стремится, что трупы, убийцы и насильники по плечу слабому полу. Желание стать на одну ступень с мужчинами – не лучшая черта, а работа в прокуратуре вообще не женское дело. От этого милое создание грубеет, а оно должно облагораживать сильную половину человечества. Так нет, отпихивают мужиков от их законной деятельности!

Степа открыл дверь в кабинет. Тридцатилетняя Оксаночка с зеленовато-желтыми глазами рептилии, перед которыми замираешь, как кролик перед удавом, сидела за столом, изучая бумаги. Он отметил про себя, что в какой-то степени Куликовский прав: когда б ни пришел в прокуратуру, следователи в бумагах вязнут. Или это совпадения? Он спросил:

– Оксана, делом по театру ты занимаешься?

– Еще не занимаюсь. Дело не передали. Но буду заниматься. А что?

– У меня к тебе предложение. Я был вчера в театре, смерть видел собственными глазами, да и с Микулиным опрашивал свидетелей. Есть у меня кое-какие мысли. Ты не откажешься от моей помощи?

– Я-то не откажусь, – совсем неожиданно для Степы сказала она, отчего он мгновенно поменял о ней мнение. Волгина ему вдруг понравилась: такая симпатичная, почти красавица, очень умная. Тем временем Оксаночка скептически ухмыльнулась, что совсем не идет ей: – А тебе своей работы мало?

– Хватает, – в тон ей ответил Степа, подсаживаясь к столу. – Понимаешь, Оксана, зацепили меня эти артисты. Смотрю себе спектакль, сплю. Можно сказать, с удовольствием сплю. Вдруг артисты умирают! Я, классный опер, даже не догадался, что им и впрямь каюк. Кстати, разобраться будет не просто, я это вчера понял. Так ты согласна на помощь?

– Я что, больная? А какой с меня оброк возьмешь?

– Договоримся, – уклонился Степа, загадочно улыбаясь. – Я сначала подготовлю парня к операции, а позже заеду к тебе. Надеюсь, дело уже передадут. Идет?

– Ладно, жду.

Окрыленный Степа выбежал на улицу, где Луценко Костя слонялся по двору. В магазине купили три бутылки водки и десять пива, Степа поймал такси, и поехали домой. Костя живет в том же общежитии, где и Степа, в однокомнатной квартире гостиничного типа на восьмом этаже. Костя – аскет во всех смыслах. В его комнате нет ни одной лишней вещи, он лучший стрелок, занимается подводным плаванием, коллекционирует монеты и знает о них все-все. То, что он хороший товарищ, с которым не страшно в разведку идти, об этом и говорить не стоит. И – о горе! – не пьет. Менты пьют, это не новость, но то, что пьют поголовно все, – тоже преувеличение.

– Так, – сказал Степа, выставляя на стол, к ужасу Кости, бутылки, – готовимся к операции под названием «бомжик». Мобильник есть? Звони всем знакомым, сообщай, что на неделю уедешь из города по очень важному делу.

Костя обзванивал знакомых, а Степа изучил содержимое холодильника. Не густо в нем: сыр, колбаса, консервы, кефир – в общем, холостяцкая еда. Ну, это даже к лучшему, меньше есть будет. Степа вскрыл банку рыбных консервов. На кусочек хлеба положил шпротину, подумал немного и полил маслом хлеб.

– Об операции ни одна живая душа знать не должна, даже сослуживцы, понял? – сказал Косте. – Дело серьезное и опасное…

– Да объясни толком, что я должен делать? – вскипел Луценко, с подозрением глядя на приготовления.

– Бомжом стать. Перво-наперво предстоит исправить твою благообразную внешность. У тебя не лицо должно быть, а рожа. – Костя пожал плечами. Степа пояснил: – Два дня ты пьешь запоем. Просыпаешься, хочешь попить водички, но пьешь пиво. Потом водку. Затем опять пиво. И старайся поменьше закусывать. Через два дня твоя физия приобретет отечный вид алкаша. Понятно?

– Понятно, – без душевного подъема вымолвил Костя, покосившись на стол, заставленный бутылками. – Не многовато для одного?

– Ты крепкий, – успокоил Степа. – Так, есть еще одна вещь… Костя, одного опухшего вида мало.

– А что надо? – нахохлился Костя, подозревая со стороны Степы каверзу.

– Скажи, тебя по зубам били?

– И я бил, – на всякий случай предупредил Луценко.

– Значит, ты в курсе, что это не так страшно…

– Ну, в курсе и что? Чего ты хочешь конкретно?

– По лицу тебя ударить, – наконец выложил Степа. Косте такой поворот совсем не понравился, он замахал руками, дескать, не дамся. – Слушай, где ты видел бомжа с непобитой рожей? Ну хоть одна ссадина должна быть. Да я только раз… всего-то.

– Ага, не ты же морду подставлять будешь!

– Не выполним задание, Кулик с нас три шкуры сдерет, – аргументировал Степа. – Так что давай, стой спокойно…

– Тогда я сначала выпью. А то на трезвую голову…

– Выпей, – обрадовался Степа, наливая в тонкий стакан водки. Костя взял стакан, где водки было больше половины, задержал его у рта – не хотелось пить сразу столько. Степа подбодрил: – Давай, это классная анестезия.

Луценко залпом выпил, а Степа сразу туда налил пива:

– Запивай. Водка без пива – деньги на ветер.

Костя опрокинул в себя и стакан пива, зашарил по столу в поисках закуски. Степа услужливо поднес ему бутерброд со шпротиной. Тот с жадностью, словно не ел неделю, весь бутерброд отправил в рот, пережевывал. Опьянел он мгновенно, глазки собрались в кучку.

– Ну, становись, бить буду, – сказал Степа, закатывая рукав рубашки.

– Подожди… проглочу… Так. Только ты… аккуратней…

– Все сделаем ювелирно, – заверил Степа.

Не успел Костя приготовиться к удару, как Заречный вмазал кулаком по скуле. Тот взмахнул руками и грохнулся на пол у стены. Озверел. Подскочил, сжимая кулаки:

– Ну, Заречный! Ты труп!

– Спокойно, спокойно, – подхватил его Степа под руки и потащил к дивану. – Мы ж договорились, Костя, ты забыл?

– Помню, – кивнул Луценко так, что чуть не отвалилась голова. – Ты должен был… команды ждать. А ты не ждал. У меня голова треснула. Треснула, я спрашиваю?

Степа бросил безвольное тело на диван, осмотрел скулу.

– Нет, все в норме, – сказал он. – Ссадина есть. И синяк будет. Очень хорошо.

– Тебе, может, и хорошо, а мне… не… – и Костя попытался встать.

– Ты лежи, лежи, – вновь уложил его Степа. – Чего-нибудь хочешь?

– Кушать, – промямлил Костя и сел.

Степа сжалился над ним, принес бутерброд с тоненьким кусочком сыра. Затем придвинул стул к дивану, поставил водку с пивом:

– А это тебе, как проснешься. Проснулся – выпил, заснул. Проснулся… и так далее. Ты меня слышишь?

– Отвянь, – проворчал Костя, заваливаясь на диван.

Степа вышел из его квартиры, нажав на кнопку лифта, сказал себе:

– Опер должен уметь все! Пить тоже.

2

В театре объявили экстренный сбор. Собрание еще не началось, потому как артисты и обслуживающий персонал подтягивались долго, садились в зале поодиночке, воровато оглядывали присутствующих. Эра Лукьяновна восседала на стуле у сцены, рядом с ней присоседился Юлиан Швец, которого Степа прозвал «мужчинкой», нашептывал директрисе что-то на ухо, бросая таинственные взгляды на вновь вошедших.

Основная часть работников театра собралась. Юлиан Швец окатил зал пристальным взглядом и принялся что-то писать в блокноте, скорее всего, брал на заметку тех, кто не явился. Эра Лукьяновна встала. В зале наступила томительная тишина.

– Докатились, – с большим чувством произнесла она, вложив в слово все свое негодование и презрение. – Уже травите друг друга, да? За последнюю ночь наш состав пополнился тремя трупами! Это уже, простите, нонцес какой-то! Вас и так не уважали в городе, теперь вы полностью покрылись позором! Вам налогоплательщики платят заработную плату, а вы что сделали? Ядом запаслись!..

– Кто-то запасся, – поправил вполголоса Юлиан, не разжимая губ.

– Да, – подхватила она, – кто-то из вас запасся ядом и теперь травит актеров! Я понимаю, ваши инсинуации направлены против меня! Вы тут всех снимали, директоров и режиссеров, меня снять не получилось, надумали трупами выпихнуть? Ничего не выйдет, меня отсюда вынесут только вперед ногами! Я думаю, это будет не скоро. Так вот предупреждаю, отравителя найдут органы, и понесет он самое суровое наказание. Не удивлюсь, если в театре обнаружим бомбу. Так вот, довожу до вашего сведения. Теперь сумки всех входящих в здание театра будет проверять вахтер. Я вам покажу бомбы и яды!

Высказавшись, Эра Лукьяновна отстучала каблуками через центральный проход зала, хлопнула тяжелой дверью, стук удаляющихся каблуков слышался еще некоторое время. Наступила тишина, как в морге.

Встал Юлиан, собравшиеся коллеги обстреляли недоброжелательными взглядами. Но Юлика не прошибешь виртуальным обстрелом. До прихода Эры Лукьяновны это был ничем не примечательный артист, исполняющий роли типа «кушать подано». Она, только она вытащила его наверх, обрушила на Юлиана поток ролей мирового репертуара, многочисленные премии, звание, должность руководителя творческого состава, по сути соответствующая главному режиссеру. Сам Юлиан спектаклей не ставил, не умел. Но руководил… неизвестно чем. Впрочем, нет, он руководил, как ни покажется странным, директором. Это щупленький, не представительный внешне человек лет тридцати семи, похожий на неизвестного маленького зверька. Разговаривает он вкрадчиво, не повышая голоса, ходит осторожно, словно боится наступить на мину, улыбается, пряча улыбку, возможно из-за кривых и редких зубов. Именно он нашел подход к Эре Лукьяновне, ему она верит безраздельно, что ж, любви все возрасты покорны.

– Думаю, не надо говорить, что ЧП в театре уже всколыхнуло город, – начал Юлиан предельно серьезно. А раньше слыл комиком, но не на сцене, а в жизни, где с успехом исполнял главную роль, роль шута горохового. – На сцену нам теперь выйти будет сложно, в глазах общественности мы преступники. Поэтому ближайшие спектакли, и сегодняшний тоже, отменяются. Смотрите расписание, со вторника начнутся репетиции, необходимо произвести вводы на роли Ушаковых и Галеева. До свидания.

За сим удалился тем же путем, что и директриса. Работники театра сидели некоторое время как прибитые, потом разбрелись, не глядя друг на друга, кто куда – курить, домой, в служебные помещения. Никто не поднял бунт, не отстаивал свое достоинство, несмотря на унижение и оскорбление. Коллектив экстренно вызвали и зачем? Чтобы за пять минут обви-

нить в убийстве и отпустить на все четыре стороны! Однако то, что случилось ночью, не могло пройти бесследно. Люди еще не оправились от шока, но внутри многих уже произошел переворот. Пока не пришло осознание внутренних изменений, поэтому люди в курилке молчали. Сюда потянулись и те, кто не курит, нежданно почувствовав непреодолимую тягу к единению. В молчании постояли с полчаса и постепенно разошлись.

Кандыков Евгений подошел к Люсе. Ему под пятьдесят, когда-то он имел вес в театре, теперь же с ним не считаются. Жена его Катерина работает много лет помощником режиссера. В ее обязанности входит, чтобы все было вовремя: дать звонки, вызвать на выход артистов, открыть и закрыть занавес, проследить, чтобы артисты не несли отсебятину на сцене… Катерине работа нравилась, все же не на заводе горбатиться, да и звучит должность красиво. Когда-то директриса хотела ее выгнать без причин, ценой унижений Кандыков отстоял жену.

Трудно дались Евгению фразы, но он их произнес:

– Я подпишу. И хочу в списке стоять первым.

Это уже поступок. Выпад. Бунт. Однако Люся, зная его не один год, спросила:

– Не передумаешь?

– Нет, – коротко, но решительно ответил Кандыков.

– Сегодня вечером я принесу письмо тебе домой, – сказала Люся, оглядываясь по сторонам, а то подслушивание в театре стало нормой. – Я уже его написала, может, ты дополнишь?

– Неси, дополню.

Он направился к служебному выходу, а Люся смотрела ему вслед. Все-таки она не была полностью уверена, что Кандыков подпишет. Сколько раз было, когда он обещал броситься на амбразуру, а в последний момент отступал. Катька Кандыкова возьмет в оборот мужа, и вместо подписи тогда увидишь шиш. Умишко у нее скудный, а направить умеет. Только от подписи Кандыкова зависит, подпишут ли и другие. Все-таки заслуженный артист, лицо, уважаемое в городе… Правда, общественность города не встала на защиту любимых артистов, когда их выгоняла Эра Лукьяновна, общественность ограничилась лишь сочувствием. Да и Люся тогда поддерживала директрису, надеясь, что с уходом ведущих актрис роли будут доставаться ей. Но… человек предполагает, а бог располагает. Теперь и Люсю хотят выгнать.

3

– Заходи, заходи, – махнула рукой Волгина, когда Степа заглянул к ней. Заречный сел напротив, Оксана кинула ему кипу бумаг. – Я как раз изучаю дело. Три трупа – начальство взбесилось. Ты говорил, будто опрашивал свидетелей. Что ж вы с Микулиным так плохо поработали? В свидетельских показаниях одна мура.

Оксана выжидающе смотрела на Степу, бегло изучающего исписанные листы. А он вовсе не вникал, что там написано, только думал, чем заинтересовать Волгину, чтоб не послала куда подальше. Вообще-то Степа легко сходится с людьми, его искренность и тактичность располагают к нему, он производит впечатление порядочного человека, которому можно довериться. К тому же он, как говорит Янка, ужасно обаятельный. Вспомнив об этом, он отбросил листы, подался корпусом к Волгиной, положив локти на стол – поза означает «я тебе верю, верь и ты мне», – и доверительно рассказал:

– Я, Оксана, не остался до конца. Мне хватило послушать нескольких человек, чтобы понять: в этом заведении обитают шизоидные люди, честное слово. Они какие-то… замордованные, что ли. Но вполне вероятно, на них сильно подействовала смерть на сцене. Только, мне кажется, эти ребята и в обычное время… запуганные. Потому что, в каком бы ни был человек состоянии, в такой экстремальной ситуации его первый порыв будет – помочь следствию. Срабатывает элементарное чувство ответственности перед убитым. Это потом он подумает и при повторном допросе может изменить показания. А мы встретились лишь с голыми эмоциями, и никто не дал нам разъяснений, почему возникли эти эмоции.

– Ты думаешь, я что-нибудь по поводу эмоций поняла? – съехидничала Волгина.

– Ну, эти эмоции можно назвать жалостью к себе, не более, – объяснил, как умел, Степа. – А когда мы задавали конкретные вопросы, те же актеры умолкали или юлили, опять же прячась за эмоциями или… игрой в эмоции. Они как зверьки, чующие землетрясение, малейшая опасность – переключаются на непонимание, уходят в сторону. Это понятно?

– Это понятно, товарищ психолог, – кивнула она. – Значит, свидетели будут юлить на допросах, так? Интересно, почему? Потому что боятся? Кого же они боятся?

– Во-первых, директора. Это я сразу понял. Директриса у них… это что-то запредельное, видно при первом же знакомстве с ней. Во-вторых, мне случайно удалось подслушать разговор двоих, в лицо я их не видел, но по голосу узнаю. Из их слов я сделал вывод, что в смерти артистов они винят какую-то Эпоху и еще одного… его альфонсом называли. Так вот он, альфонс, пришел на сцену перед началом спектакля, хотя не играл в нем. А ушел в антракте! Выводы я не делаю, но…

– Людей, находившихся в театре, было немного, – задумчиво произнесла Оксана, – убийство произошло в замкнутом пространстве, круг подозреваемых ограниченный…

Вот тебе и здрасьте! Прозвучал откровенный намек, что дело плевое, значит, следователь Волгина обойдется без посторонних. Тем более что первого подозреваемого он уже сдал ей.

– Вычислить убийцу все равно будет сложно, – возразил Степа. – Он хорошо подготовился, фактически под подозрение попадает каждый, кто появлялся на сцене.

– А какие у тебя соображения? С чего начинать, как думаешь?

Угу, экзаменует. Скажи-ка, мол, мент безмозглый, чем собрался меня удивить? Я ведь крутая, на убийствах собаку съела. Только и Степа собаку съел на сыске, хоть и молод годами. Примерно так думал он, выдерживая взгляд рептилии, а вслух сказал совсем другое:

– Понимаешь, Оксана, понаблюдав за артистами, я сделал вывод, что они играют постоянно. Даже на фотографиях, развешанных по стенам в театре, они не настоящие. Надо попытаться выявить их подлинную суть, вывести на откровенность. Именно этим я и хочу заняться,

но не официально, а ты допрашивай по форме. Я пока не знаю, как точно надо действовать, буду смотреть по обстоятельствам. Потом сравним показания и свои впечатления. Идет?

Она гипнотизировала его желтыми глазами несколько секунд и наконец дала добро:

– Идет. Тогда слушай. Звонил Петрович, в бокале и в водке, которую пил Галеев, яд. Все подробности он изложит в заключении экспертизы и при личной встрече, но позже. Ты же знаешь, Петрович есть Петрович, он качественнее любых протоколов. Ткани внутренних органов пострадавших отправлены на гистологию, после чего он и мы сможем сделать окончательные выводы. Держи протокольчик…

Степа быстро пробежал глазами протокол, отбросил его.

– Что это отравления, догадался не я один, – сказал он. – Значит, яд бросили в бокал, в кувшине его не оказалось. В табакерке Фердинанда, в которой ему приносили сахар, яда тоже нет. Кто-то буквально на глазах у всех это сделал.

– Вот именно, – вздохнула Волгина. – Подошел к реквизиторскому столу на сцене, кинул яд в бокальчик, очень может быть, постоял у стола и с кем-нибудь потрепался, а не умчался сразу прочь. Степа, как думаешь, прохронометрировать нам не удастся?

– Кто и во сколько подходил к реквизиторскому столу? Вряд ли. Человек двадцать находилось во время спектакля за кулисами! Слушай, в спектакле есть большие сцены, где заняты два-три человека. Возьми в театре пьесу, по ней и ориентируйся. Если выяснить, кто и где находился, когда был свободен во время действия на сцене, можно сузить круг подозреваемых. А что говорит собутыльница артиста Галеева?

– Ничего. Ее увезли на «Скорой» практически без памяти. Давай-ка, бери ее на абордаж. Я созвонилась с больницей, мне сказали, что Овчаренко отпустили домой. Держи адрес. Вот так артисты! Откололи номер…

– Думаешь, кто-то из артистов?

– Понимаешь, Степочка, в юности я мечтала стать актрисой, как все нормальные девочки. Даже у нас в драматическом кружке ссорились из-за ролей. А убийство всегда там, где есть интерес, так?

– Ну, так, – согласился Степа, хотя не совсем принял точку зрения Волгиной. Разве из-за роли убивают? Это же ничто, воздух в кулаке, страницы напечатанного текста.

– А интерес в театре вокруг чего вертится? – выстраивала логику Оксана. – Вокруг сцены. Следовательно, заинтересованные лица, прежде всего актеры. Ну, пока.

Степа схватил адрес и помчался к Овчаренко домой.

4

Клавдия Овчаренко сидела у себя на кухне, уставившись на бутылку водки, которую купила в магазине на последние гроши. И не пила. Клаве было погано в буквальном и переносном смыслах, но она не пила! А выпить хотелось до одури, залить ужас, терзавший ее с тех пор, как очнулась. Не яд пугал, водка куплена в магазине, там некому травить ее. Пугала прошедшая ночь, наполненная страшными, роковыми событиями. Сначала Ушаковы, потом Галеев. И умер Лева не потому, что закодировался, а потому, что водка была ядовитая! Вот так, травят артистов!

Клава сейчас зациклилась на одном: стоит выпить, как придет убийца, проникнет сквозь стены, и тогда не спастись. В борьбе между выпить и не выпить, борьбе, исчерпывающей силы, пробыла часа три. Внутри прозрачной бутылки покоилась спасительная жидкость, превращающая убогую, безрадостную жизнь в праздник, недолгий и маленький, но праздник. Только эта жидкость, бесцветная и отдающая сивухой, потому как дешевая, способна преобразить Клаву из трусливого кролика в очаровательную и энергичную женщину. Так ей казалось. Но убийца, возможно, стоит за дверью, подкарауливает. Что, если он следил за ней от больницы?

Раздавшийся звонок вывел ее из оцепенения, но и прибавил страху. Кто пожаловал? Клава на цыпочках подобралась к двери, спросила – кто?

– Из милиции.

Не сразу, но щелкнули замки, дверь приоткрылась, в щели показался настороженный глаз Овчаренко.

– Я хочу с вами поговорить, – сказал Степа, приблизив удостоверение к черному глазу Клавы. Глаз прочел все надписи, уставился на мента, который тут же спросил: – Можно войти?

– Вызвали бы повесткой… – нашла отговорку Клава, чтобы не пустить мента.

– Если хотите, вас вызовут, но поговорить со мной в ваших интересах, – бросил Степа и повернулся, собираясь уйти, мол, лично мне плевать на тебя.

– Проходите, – пригласила Клава, так как на нее подействовали слова «в ваших интересах». Ее интерес бесспорный, она ведь могла оказаться на месте Левы. К тому же это живой человек, из органов – она запомнила его со вчерашнего вечера, – с ним не страшно.

Степа прошел, куда его повела Клава – на кухню, где было очень неопрятно. Раковина заполнена грязной посудой, на столе крошки и остатки еды, плита в черных пятнах, в углах потолка паутина, и байковый халат на Овчаренко не первой свежести. Он сел на указанный стул, дождался, когда присядет и Клава, которая сначала поставила закопченный чайник на плиту. Но вот она опустилась на табурет, закурила, вид при этом у нее был помятый-препомятый, отечный и потерянный.

– Скажите, Клавдия… отчество не запомнил, извините.

– Можно просто Клава, – сказала она.

– С вами не говорили после смерти Галеева, но это необходимо. Как произошло, что вы остались живы, а он погиб?

– Я пила из старой бутылки, там осталось на донышке. А Леве дала неначатую…

– Выходит, это вы дали ему бутылку с отравленной водкой?

Она шмыгнула носом, растерянно вперившись в Степу. До ее сознания, затуманенного похмельным синдромом и стрессом, наконец дошло, что она из собственных рук дала яд Галееву. Клава и есть отравительница! А этот молодой человек подозревает ее и в отравлении Ушаковых! От этого затряслись руки еще больше, сигарета не сразу попадала в рот.

– Я не хотела его убивать, – произнесла Клава дрожащим голосом. – Я бы никогда этого не сделала. Дала водку, потому что не знала, что там отрава, поверьте. Я заснула в курилке, когда милиция работала в театре, потом проснулась, увидела Леву… У него не было денег

на такси, он остался в театре. Мы собрались выпить… А что еще делать после всего? Знаете, как на душе… не передать! Надо было расслабиться. А у меня полная бутылка и время нечем убить. Я хотела поделиться. Лева выпил и… и… умер.

Клава не выдержала напора воспоминаний, беззвучно расплакалась. Отечное лицо сморщилось в гримасу страдания, четче обозначились морщины, на которые лились слезы жалости к Леве, себе, неудавшейся жизни. Клава Овчаренко плакала, потому что вдруг поняла: кругом пустота, и она пустота, ничтожество. А еще недавно это ничтожество думало о себе в превосходной степени. Сколько ей осталось? Без яда скоро отправится за Ушаковыми и Левой. Все некогда было сходить к врачу, а когда сходила, сделала анализы, получила результат – опухоль. Сказали, доброкачественная, но на учет в онкологию поставили. Выписали стопку рецептов, а на лекарства нет денег. Да и зачем принимать лекарства, разве это поможет? Ничто и никто не поможет, в том числе и сидящий рядом круглолицый паренек с курносым носом не поможет. Только жить-то все равно хочется. Прожить столько, сколько отпущено, а не раньше времени отбросить копыта.

Слезы катились, не принося облегчения. Облегчение есть – в бутылке. Клава взяла ее, откупорила, налила в рюмку для вина, осторожно, стараясь не расплескать, поднесла ко рту.

– Где находились бутылки во время спектакля? – мягко спросил Степа, долго наблюдавший за Овчаренко. Она показалась такой несчастной, такой неухоженной, запущенной и ненужной, что невольно тронула сердце.

– В сумке. Сумка стояла в гримерке, – ответила она и выпила, затем потянулась за куском сухого хлеба на тарелке.

– Припомните, кому вы говорили, что купили водку?

– Да никому. Я вообще не покупала водку.

– Не покупали? – удивился Степа. – Откуда же взялись бутылки?

– Я до самого конца спектакля не знала, что у меня в сумке две бутылки водки, а то б не удержалась. Уже после всего… полезла в сумку за деньгами и вдруг вижу… две бутылки. Царский подарок. Я и приняла немного… потом вы пришли.

– Вам кто-то подложил две бутылки, так? Одну обыкновенную, а вторую?..

– Все правильно, – кивнула Клава, загрызая в задумчивости сухарем водку и вытирая мокрые щеки ладонью.

Овчаренко догадалась еще в больнице, что хотели отравить ее, только ее, за этим и подбросили водку в сумку. Вот уж истина: бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Она вытянула счастливый билет, когда решила выпить сначала дешевую водку, а вторую, дорогую, приберечь, чтобы вкусить с наслаждением, не торопясь.

– Так, – поднялся Степа и заходил по небольшой кухне. – Гримировальные комнаты закрываются, когда вы уходите на сцену?

– Нет. У нас ничего не закрывается. Бывает, пропадают деньги, косметика. У нас все открыто, Эпоха не станет тратиться на замки и ключи.

– Эпоха? – вспомнил Степа заговор в театре. – Кто это?

– Эра Лукьяновна, у нее такая кличка, – сказала Клава, налила вторую рюмку и опрокинула ее в рот, «закусив» сигаретой. Теперь ей захотелось поговорить по душам. – А еще ее называют Кощей Бессмертный. (Степа улыбнулся.) Нет, правда! А знаете, за что и где ее так прозвали? В Белом доме, когда там работала. Она же лютая, но имеет потрясающую способность удерживаться на месте руководителя. Много раз пытались ее снять. Эра уже вещички собирала, цветочки в горшках домой относила, и вдруг!.. Туда пошла поговорила, сюда сходила поплакалась… Все ждут с нетерпением, когда она свалит, а Эра остается! И давай всех склонять направо и налево. Ее не свалить, она, как Кощей Бессмертный, вечная. Этот феномен и сыграл основную роль в театре. Кто сразу сообразил, что Эру не выпихнуть, тот встал в стойку «чего изволите» и выиграл.

– А вы? – и Степа сел на прежнее место.

– В смысле, встала ли в стойку? Да, встала. Но не выиграла.

– Почему?

– Потому что выигрыши нулевые. Я только сейчас поняла, сегодня. Это кажется, что ты на коне очутился, а на самом деле… под конем.

Вдруг она оживилась, заговорила страстно, проникновенно:

– Я не могу без театра, но театр убивает нас всех. Талант… ну, пусть не талант, а способности – это наказание, которое заставляет гнуть спину, предавать, подличать, нищенствовать. Хочется играть роли. Вы не знаете, что чувствуешь, когда выходишь на сцену. В зале сидят люди, а ты имеешь власть над их душами, заставляешь смеяться и плакать. И чудится, что живешь только в этот миг, хотя проживаешь чужую жизнь. Но она во много раз прекрасней, интересней настоящей жизни, она и есть смысл, страсть, твоя кровь и плоть. Роль – это каждый раз новый рубеж, новая вершина. Роль – это счастье, которого ты не имеешь в повседневной жизни. Она может стать неудачной, а может потрясать, но это твоя роль, ты ее любишь, как никого не будешь любить, даже собственного ребенка. Роли – это наше богатство. А их Эпоха не даст, если ты на нее косо посмотришь. Вот и сносишь унижения, хамство. Эпоха уничтожила нас. А в сущности, мы сами себя уничтожили, потому что позволили ей уничтожать коллег из-за ролей и копеек, которые она прибавляла к зарплате за верную службу. Выпьете?

– Нет, спасибо. Вы считаете, что яд ее рук дело?

– А черт ее знает, – и Клава проглотила третью рюмку, понюхала тыльную сторону ладони. – Я уже ничего не считаю. Но свое мнение скажу. Эпоха не станет напрямую убивать, она это делает гораздо тоньше, искуснее. Обложит со всех сторон так, что человек сам захочет повеситься. Знаете, сколько она отправила на тот свет людей? О! Пальцев на руках не хватит! И без всяких там ядов, пистолетов и прочего. Человека нет, а она есть. Понимаете?

– Скажите, а кого в театре называют альфонсом?

– Юлика. Но об этом не хочу. Это такая грязь… хуже, чем у меня на кухне.

– Клава, у вас есть враги в театре?

– Как вам сказать… До вчерашнего дня я думала, что крутых врагов у меня нет. Кому я нужна?

– Но ведь кто-то подарил вам яд.

– Знаю, – удрученно кивнула она. – Но не буду возводить напраслину, хватит, я за все теперь расплачиваюсь. Вы верите в наказание оттуда? – показала пальцем в потолок Клава. – А я верю. И боюсь.

– Пока вам следует бояться «щедрого» дарителя.

– Хм, бредовая мысль мелькнула, – горько усмехнулась Клава. – А может, меня кто-то пожалел, подсунув яд? Решил отравить, чтоб не мучилась? Только я все равно боюсь. Боюсь мучительной смерти. Вообще боюсь смерти. Как все глупо устроено в мире… – Она прикончила еще одну рюмку, ее развезло и неудивительно, пила, закусывая сухариком и сигареткой. – Нужно пережить покушение, чтобы восстановить все в мозгах и в душе. Смерть Левы у меня на глазах… это было так страшно. Но зато я поняла: все, за что я цеплялась, – блеф. Внезапно открылись глаза… извините, я, кажется, об этом уже говорила…

– Ничего, ничего.

– Знаете, как мне противно! Меня тошнит. От себя. И от всех. Как я защищала Эру Лукьяновну, если б вы только слышали и видели! Я топила своих товарищей, которые делали мне только добро. Это я помогла уволить… нет, сократить свою лучшую подругу, которая нянчила мою дочь. Я еду на выезд в какое-то паршивое село, где театр никому не нужен, играю спектакль. А она сидит с моей дочерью, кормит ее, спать укладывает. Бесплатно! И так много лет. А я ее… под корень. А она взяла и умерла! (Клава еще опрокинула рюмочку.) Меня все спасали от пьянства, все. А я все равно пила, мне так нравилось. Ик! Извините, последняя

рюмка где-то застряла, поэтому… ик! …икаю. Так о чем я? А, да! Ик! И никто меня не увольнял за пьянство, а я помогла уволить за… так хотела Эпоха. Я присутствую на художественном совете, там мы решаем то, что давно решила Эпоха. Ик! А она увольняла талантливых людей. Я боялась, чтоб меня не выгнала и поднимала… ик! …руку за увольнение, мол, не нужны нашему театру. И против Ушаковой подняла. Я выслуживалась перед Эпохой, а она меня все больше презирала… Так мне и надо!

– Идемте, я помогу вам лечь, – предложил Степа.

– Лечь? Да, это… ик! …хорошо. Сейчас допью… там всего-то… не оставлять же! А потом проснусь, и все начнется сначала…

Она допила прямо из бутылки, шатаясь, побрела в комнату, ее поддерживал Степа. Завалившись на кровать, все же вспомнила:

– А… тот, кто отравил… не придет?

– Не придет, – заверил Степа, накрывая ее пледом.

– Только, – спохватилась она и привстала, – не говорите никому, что я вам сегодня рассказала, меня четвертуют. Ик! Пожалуйста, не говорите…

– Не скажу, не беспокойтесь. Отдыхайте.

Она повалилась на подушку, забормотала под нос:

– Я попросила материальную по… ик! …помощь на лечение. Не дала. Сказала: «Все равно пропьешь». Не говорила вам? У меня опухоль. Ик! А своего Юлика постоянно вытаскивает из запоев, ну, постоянно. Ему и спектакли можно срывать, на работу не приходить, ему все можно. У старушки любовь… Кошка драная! А мне подыхать…

Клава еще некоторое время бессвязно бормотала, Степа подождал, когда она заснет, потом ушел, проверив, надежно ли закрыл дверь.

Стемнело, поднялся пронизывающий ветер. Степа задержался у дома Овчаренко, поднимая воротник куртки и поправляя на шее кашне. Как человек любознательный и пытливый, прежде всего задал себе несколько вопросов. Почему Овчаренко, заслуженная артистка, которую знают и любят в городе, такая несчастная? Что это такое – страсть к сцене? Почему эта страсть подчиняет себе все остальное, так ломает душу? А другие артисты, они мыслят, как Клава? Степа, предпочитающий ясность во всем, не смог ответить на поставленные вопросы. Вот когда ответ станет очевиден, тогда, возможно, он и приблизится к убийце.

Он еще долго ждал автобуса на остановке, анализируя беседу с Клавой. Нужный номер подошел минут через сорок! Это никуда не годится, общественный транспорт глотает слишком много времени. У кого бы добыть колеса? И Степа перебирал знакомых. Когда же дошел до сослуживцев, улыбнулся. Ну конечно же! Кулик даст!

Оксана, получив из театра пьесу Шиллера «Коварство и любовь», читала со скукой, делая пометки на листе бумаги, кто из персонажей был на сцене, а кто в это время был свободен. В общем, на сегодня отбой. Степа поехал домой.

5

Прежде чем появиться перед Яной, Степа решил навестить Луценко и посмотреть, как он справляется с заданием. Поднявшись на лифте, остановился с недоумением перед дверью, заслышав непрерывный галдеж, доносившийся из квартиры. «Что такое, что там происходит?» – разнервничался Степа. Он толкнул дверь – открыта, заходи кто хочет! Вошел в небольшую прихожую, где с трудом помещаются два человека, третьему места не найдется, и открыл рот.

В комнате Кости творилось нечто! Стол заставлен тарелками, стаканами, бокалами, минеральной водой, едой. Сизый дым, как туман. Гремел магнитофон, народу тьма. Степа вошел в комнату, поискал Костю. Тот полулежал на диване в обнимку с грудастой девицей, которая лезла целоваться с ним, вытягивая трубочкой кумачовые губы. Пьяный Костя поглаживал ее бедро и шептал какую-то чушь, после чего девица безудержно и демонически хохотала. Остальные участники пьянки спорили, танцевали, курили.

Общежитие принадлежало заводу, завод выделил несколько прозванных гостинками малогабаритных квартир УВД. Квартиры действительно крошечные, но в каждой есть душ совместно с туалетом, кухня и прихожая. В этом двенадцатиэтажном улье проживает разнообразный контингент. Частенько жильцам из правовых органов приходится разгонять оргии в свободное от работы время. И вот этот контингент гулял сейчас у Кости!

Степа выключил магнитофон, громко, перекрывая возмущение гостей, сказал:

– Граждане! Банкет закончен! Пора расходиться по бункерам.

– У меня отвальная… – возразил Костя, делая бесплодные попытки встать.

– Миленький, присоединяйся, – улыбнулась девица, которой вблизи оказалось лет тридцать, а то и больше.

– Да че ты! – подал голос кто-то из мужчин. – Мы Костю провожаем…

– Да! – взмахнул руками Луценко. – Меня провожают в командировку!

– Вот именно, – подтвердил Степа. – Ему завтра ту-ту на задание, он должен быть в форме. Будьте добры, подчинитесь просьбе. Пока просьбе.

Для верности Степа помахал удостоверением. Оно так лучше, а то не успеешь познакомиться, как рожа мигом превратится в месиво. Ментов в этом тараканьем питомнике уважают. Значит, боятся. Эффект удостоверение произвело – гости с неохотой расходились. Тридцатилетняя девица запечатлела прощальный поцелуй на распухшей скуле Кости, потом поднялась, одернула коротенькую юбку на упитанных окорочках. Луценко потянулся за ней, хватая за руку:

– Останься, Э… Э… Элла! Они сейчас уйдут, а мы… чшш! – и приложил палец к губам, давая понять, что наедине им будет значительно интересней. Но тут в объектив попал Заречный. – Степа, отвянь, а? Будь другом.

– Я отвяну, но когда все уйдут! – Степа выразительно посмотрел на Эллу. Та скривила кумачовые губы, мол, какой же ты козел. – Девушка, вы не понимаете? У него служба завтра с пяти утра.

– С пяти?! – ужаснулся Костя. – Почему с пяти?!

Степа не удостоил его ответом, а вывел за локоток недовольную девицу, вернулся. Костя уже мирно спал. Закрыв дверь на ключ, Заречный спустился этажом ниже, ворча:

– Ты у меня теперь под домашним арестом будешь! Я тебе завтра устрою попойку, ты ее навеки запомнишь!

Яна сидела за учебниками. На Степана ноль внимания. Он приблизился и виновато чмокнул ее в щечку. Яна вскинула руки, обняла его за шею:

– Мы опять не ходили в бассейн.

– Угу, – зарыл лицо в ее волосы Степа. – Прости, Янка, так получилось.

– Степа, мы с тобой год вместе, а ты еще не познакомился с моими родителями. Как это называется?

– Помню. Завтра у них ужин.

– Я третью неделю не ночую дома. Меня папа убьет.

– Он меня убьет, если ты пойдешь ночевать домой. У меня поджилки трясутся при упоминании о твоем папе. А будущей тещи я вообще боюсь.

– Да не волнуйся, завтра за ужином ты официально попросишь моей руки, и папа будет доволен. А маму бойся. Если ты ей не понравишься, не знаю, что и будет.

Степа вздохнул и дал себе слово, что завтра – пусть хоть наводнение случится, хоть светопреставление начнется – обязательно пойдет знакомиться с родителями Янки. Действительно, нехорошо до сих пор не познакомиться с будущими родственниками.

III. Коварство

1

Утром Степа с огромным трудом разбудил Костю. Он тряс его, как грушу, стащил с дивана, а тот упал на пол, свернулся калачиком и продолжил спать, при этом что-то бубнил невнятно. Тогда Степан, набрав полный рот воды, прыснул ему в лицо. Костя приподнялся, вытер ладонями лицо, глаза и сказал:

– Заречный!.. Ты садист. Отвянь.

– Ты что, до сих пор пьян? – вытаращился Степа.

– Нет, – снова укладывался на диван Костя. – Голова трещит. Я умираю.

– А где пиво? – грозно навис над ним Степа. – Где мое пиво? Я его разве для того покупал, чтобы ты шлюх, больных сифилисом, поил?

– Сифи… У кого сифилис? – побледнел и без того бледный Костя.

– У твоей телки вчерашней! – безжалостно добивал его Степа. – Я ее еле-еле из-под тебя вытащил! Она же всем известная. Сифилис, гонорея – весь набор при ней. А ты чуть при всех ее… я вовремя пришел.

– При всех? – не помнил вчерашнего вечера Луценко. – Что ты этим хочешь сказать? При ком я ее?.. И кого я при всех?..

Степа едва не рассмеялся в голос, глядя на растерянного, опухшего, с побитым лицом Костю. Сдержался. Если не остановить сейчас разгул, все насмарку пойдет. Надо так пугануть, чтоб на всю жизнь зарекся напиваться до скотского состояния черт знает с кем.

– Да тут такое творилось! – схватился Степа за голову, припомнив, как это делали актеры на спектакле. – Откуда взялись собутыльники?

– Я, кажется, пригласил… не могу пить один, я ж не алкаш. Больше ничего не помню. Слушай, а я с этой… целовался?

– А то как же! И не только целовался. Она мне сама рассказала, что ты с ней делал.

– Мне в поликлинику надо… – проблеял Костя, похолодев как ледышка.

– Ну уж нет. Ты обязан провести операцию. Да сейчас еще и признаков болезни нет, а вот через неделю ясно будет: подцепил или не подцепил. Ой, да через три дня сам узнаешь, без врача. Но не беспокойся, гонорея быстро лечится, к тому же отучишься пить, при лечении от гонореи нельзя в рот спиртное брать. А вот с сифилисом похуже дело будет.

– Откуда ты такой подкованный? – проворчал Костя, потирая грудь. И вдруг простонал: – Какой же я дурак! А все ты, Заречный! Выставил батарею бутылок, я б один не справился. Дай кефира, он в холодильнике.

Кроме кефира, там ничего не было. Хорошо погуляли. Костя жадно глотал кефир из пакета, выпив полностью литр, упал на подушку, тяжело дыша.

– Так, – деловито сказал Степа. – Двухдневная пьянка отменяется, ты и так получил алкогольное отравление, это я не рассчитал, виноват, каюсь. Отдыхай… Ты куда?

– В душ, – еле поднялся Костя. – Помоюсь.

– Не вздумай, – толкнул его на диван Степа. – От тебя должно за версту нести потом, перегаром, дерьмом и т. д. Где деньги? Я куплю тебе чего-нибудь пожрать.

– В ящике стола, – указал Костя, выбросив руку, которая сразу безвольно упала. Степа выдвинул ящик. – Попить купи… «Фанты» холодной. И минеральной воды. И ряженки. И…

– В ящике денег нет.

– Были там, клянусь. Я не трогал, – Луценко от потрясения привстал. – Ты хорошо смотри! Под бритвой паспорт, под паспортом и лежат.

– Отлично! – съязвил Степа, а после принялся хохотать. – Мента еще и ограбили! Ты их поил, а они тебя ограбили. Нет, это же… Ты только никому не говори, засмеют. Сколько там было?

– Три с половиной штуки, – понуро промямлил Костя и с трудом поднялся.

Он добрался до платяного в шкаф, встал на стул и достал коробку. Заглянув в нее, с облегчением отодвинул коробку к стене, слез, покрывшись капельками пота. Опустившись на стул, улыбнулся:

– Монеты целые, а я уж испугался… Так, пойду разыщу… ты случайно не помнишь, с кем я пил?

– Нет. Но сифилисную девушку (Костя застонал) запомнил. Лежи, лежи, – и Степа заботливо помог ему добраться до дивана. – Я сам найду, деньги нам вернут. Нет, ну надо же, мента ограбили! Все, Костя, я поскакал. Вечером пойдешь на операцию…

– А до завтра нельзя подождать? Мне плохо…

– Нельзя, – отрезал Степа. – А то ты опять вздумаешь горе заливать в компании. Из квартиры не выходить. Это приказ.

– А поесть?

– Сказал же, сейчас принесу.

Не в магазин двинул Степа, а взял дома суп, рагу из говядины и картошки, принес Луценко. Спускаясь пешком – лифт не работал, – думал, что Янка ему послана свыше. Главное – не надо заботиться о еде, это очень экономит время.

2

Куликовского Степа нашел дома. А домик у него – кадетский корпус разместить можно. Степа, появившийся с утра да еще в личных владениях, вызвал удивление:

– Что, бомжатник разогнал? Уже?!

– Семен Сергеевич, – протянул Степа, – я не волшебник, я только учусь.

– Так за каким хреном приперся? – ласково спросил Куликовский. – Я имею право на отдых? На законный отдых?

– Конечно, – развел руками Степа. – Мне нужна такая малость, что и просить неловко, но без нее нельзя…

– Без вступления, – перебил Куликовский.

– Машина с водителем нужна.

– Ого, – без эмоций сказал Куликовский. Спокойно сказал так, что Степа не понял: рассердился он или нет. – На бомжей тратить бензин, машину добивать? А на своих двоих за ними гоняться не пробовал?

– Я, конечно, бегаю хорошо, – согласился Степа, но тут же возразил: – Только, когда они врассыпную кидаются, догнать их можно лишь на машине. Они тоже, когда надо, бегают хорошо. И мне бы водителя Толика, а?

Куликовский поскреб пальцами короткую бороду, потер усы. Думал, считал, во что обойдется бомжатник. Бомжи давно терроризируют людей на территории завода, всей милиции города пеняли не раз, что относятся к этой проблеме спустя рукава. Вычислил, что в случае удачи за бензин, запчасти и прочие непредвиденные расходы можно будет содрать с завода в три раза больше, опять же показатели повысятся.

– Почему Толика? – был следующий вопрос Куликовского.

– Потому что он не ноет, когда ночами приходится работать, – ответил Степа, а про себя дополнил: «И умеет держать язык за зубами».

– Свою больше не дам, – сказал Куликовский. – Один раз давал, хватит.

Был такой факт, помяли импортную тачку Кулика. Но в данном случае рассчитывать, что он даст свою тачку, глупо. Степа имел в виду совсем другой транспорт. А Семен Сергеевич, видимо, находясь под гипнозом Степана, угадал, какая нужна машина:

– Поезжай в управу, тебе выдадут милицейскую вместе с Толиком. Я позвоню. Но чтоб духу бомжей…

– Понял, понял, – приложил руки к груди Степа. – Да! Забыл сказать! Я в помощники взял Константина Луценко.

– Бери, бери, – великодушно разрешил Куликовский. – Но больше не появляйся, пока с бомжатником не разберешься. План есть?

– Обижаете, – с шутливой важностью сказал Степа.

– Ну-ну. И что ты намерен делать?

– Я сначала сделаю, – заговорщицки произнес Заречный. Но, видя, что Кулик собрался отчитывать его за сокрытие плана, заверил: – Все будет гуд, клянусь. Бомжи забудут дорогу на территорию завода.

– Ну добро, – сказал Куликовский и все-таки предупредил: – Только законными методами.

– Есть, – отозвался Степа и помчался в управу.

Пока он доехал на общественном транспорте, прошло около часа. Толик был уже на месте, широко заулыбался, увидев Степу. Под мышкой у него торчала пачка газет, наверняка с кроссвордами.

– Ну что, Толян, – сказал Степа, – по коням?

– Война бомжам! – вскричал Толик, залезая на место водителя. – Куда?

– В театр, – недовольно проворчал Степа, открывая дверцу. – Ну, Кулик! Самую паршивую машину выдал. Мы хоть доедем?

– Доехать доедем, может быть, – отшутился Толик. – Ладно, не дергайся, я ее подлечил, в ралли можно участвовать. А что, бомжи теперь в театре живут?

– Там живут лицедеи, очень занятные люди. А бомжи пока подождут.

У здания театра большие щиты, гласившие о ближайших спектаклях, были перекрыты надписями: «О спектакле будет объявлено особо. Билеты подлежат возврату в кассу театра». Степа прошел через двор к служебному входу, где его встретила пенсионного возраста вахтерша, перекрыв мощным станом вход. Показав удостоверение, Степа спросил, здесь ли Эра Лукьяновна. Вахтерша ответила, что директора нет и сегодня не будет. Тогда он поинтересовался, кто из руководителей находится в театре, вахтерша ответила, не уступая дорогу:

– Главный администратор, но она ничего не решает.

– Я хочу с ней увидеться.

– Эра Лукьяновна не велела пускать посторонних.

Заречного вывести из себя трудно, но вахтерше это удалось.

– Вы что, – скрипнул он зубами, – не понимаете, с кем разговариваете? Ну-ка быстро в сторону!

– Я сначала должна ей позвонить, – стояла насмерть вахтерша. Степан взял ее за плечи, переместил в сторону и прорвался-таки через кордон. Она вслед раскричалась: – Что вы делаете? Вы не должны… Меня с работы… Я милицию вызову.

Усмехнувшись, Степа открыл дверь администраторской. Главный администратор, с неприветливым полным лицом (очевидно, у нее выработан такой стиль), переговаривалась с кем-то по телефону. Бросив Степану:

– Минуточку, – продолжила слушать голос в трубке, лениво вставляя междометия и вырисовывая авторучкой бессмысленные завитки на листе бумаги.

Степа потоптался с минуту, поймал себя на том, что сейчас вторично выйдет из себя. Тогда как можно спокойней нажал на рычаг телефонного аппарата.

– Вы как себя ведете? – флегматично протянула администраторша, подняв на Степана ничего не выражающие коровьи глаза. – У меня важные переговоры…

– Да нет, это как вы себя ведете! – криво усмехнулся Степа, натянув маску ментанахала. – У вас здесь что, особая зона? Одна не пропускала, вторая базарит по телефону, будто пришел посторонний чувак. К вам, между прочим, милиция приехала!

– Так бы сразу и сказали, – пробубнила она и сделала одолжение: – Садитесь. У вас на лбу не написано, кто вы и откуда.

– Короче, – Степа опустился на стул и бросил на стол перед ней программку, – мне нужны адреса и, если есть, телефоны всех из этого списка.

Долгонько она смотрела на желтенький лист, сложенный вдвое, с надписью: «Коварство и любовь». Степе показалось, будто администраторша впала в транс. Что ее так загипнотизировало? Он слегка подался корпусом вперед, заглянул в лицо администраторше. И догадался: она думает! Степа откинулся на спинку стула, постучал пальцами по столу, мол, быстрее соображай.

– И нужны адреса тех, кого уволили или кто сам уволился, – дополнил Степа.

– Сегодня не работает отдел кадров, – наконец вымолвила она.

– Ну и что? – не только удивился, но и разозлился Степа.

– Адреса там, – лаконично ответила администраторша.

– Вы не поняли, гражданка. Адреса мне нужны сейчас. Вызывайте отдел кадров, хоть все отделы, мне без разницы, но чтоб через час я получил список, – и встал.

– Я никого не имею права вызывать на работу без директора.

– А меня ваши проблемы не волнуют, – сказал Степа ласково-ласково по примеру Куликовского. – Я заеду ровно через час. И если вы не дадите мне список, привлеку к ответственности за помехи следствию.

Вылетев на воздух, Степа потер ладонями лицо, затем тряхнул головой, сбрасывая с себя некий груз, который взгромоздился на плечи, когда вошел в здание театра. Откуда он взялся, неужели от общения с администраторшей? Заречный терпеть не мог равнодушие в людях, это – уверен он – самые опасные представители рода человеческого, потому что их индифферентность позволяет мерзавцам чувствовать себя безнаказанными.

– Броненосец, – процедил Степа, имея в виду администраторшу.

Час разгадывали с Толиком кроссворды, а ровно через час Заречный стоял у служебного входа, который на сей раз оказался заперт. Степа взбеленился, принялся колотить по двери кулаком. Через несколько минут выглянула не вахтерша, а администраторша:

– Не стучите, адреса сейчас вынесут, их дописывает заведующая отделом кадров.

– Да, к вам прорваться невозможно, – съязвил Степа и вдруг изобразил понимание на лице. – У вас под театром, наверное, номерной завод, штампующий атомные бомбы?

– Не иронизируйте, это приказ директора, – сказала тягуче администраторша, словно пережевывала невкусные слова. – У нас три ЧП было за сутки, это меры предосторожности.

– Мда… ЧП… конечно… – пробормотал Степа, тут как раз принесли список. Изучив его, он указал на фамилии, в основном женские, внизу листа: – Это те, кто уволился?

– Которых выгнали, – уточнила администраторша.

– А за что их выгнали?

– Не нужны театру.

Исчерпывающий ответ. «Ладно, – решил Степа, – может, Волгина разговорит этот тормоз, она все же женщина». Но, прежде чем уйти, поинтересовался:

– Не скажете, кто из уволенных актеров хорошо устроился? У кого приличная работа, появились деньги? (Пауза. Броненосец опять думал.) Что, нет таких?

Вопрос не праздный. Все обиженные люди одинаковы по сути, одинаково смотрят на мир, одинаково несчастны. А те, кому удалось преодолеть трудности, подняться над ситуацией и включиться в жизнь, – разные. Эти способны взглянуть на проблему со стороны, дать более объективную оценку, поэтому они сейчас интересовали Степана больше. Чтобы выявить убийцу, необходимо знать, что подвигло его на такой шаг, а значит, необходимо вникнуть в обстоятельства, в будничную жизнь театра.

– Гурьевы вроде бы нормально устроились, – наконец-то родила администраторша, состроив мину, какая бывает у шеф-повара, когда он видит кастрюлю с прокисшим борщом. – Особенно она. Хм, бизнесменшей стала не ясно на какие деньги.

«А тебе хотелось бы, чтоб она улицы подметала», – догадался Заречный и, попрощавшись, рванул к машине.

– Так, подготовительный этап закончен, – пробормотал Степа, набирая на мобильнике номер. – Алло, я попал к Гурьевым?

– Да, – ответил девичий голос. – Папа в командировке, а мама на работе.

– Адрес, где работает ваша мама, не скажете? Мне срочно нужно увидеть ее по важному делу.

Девушка назвала адрес, Степан отдал команду ехать к офису Гурьевой.

3

Карина Гурьева, эффектная женщина примерно лет тридцати пяти, энергичная и стройная, в элегантном брючном костюме, встретила Степана приветливо, но с опаской:

– Заходите, садитесь. Выпьете что-нибудь?

– Если можно, кофе, – сказал Степан, устраиваясь в кресле у низенького столика.

Только увидев большие фотографии Гурьевой в гриме, висевшие на стене, вспомнил ее. Учась в школе, с классом ходил в театр, после даже сочинение писал на тему «Любимый артист». Степан написал о Гурьевой, был немножко влюблен в нее. Позже несколько раз бывал в театре, приезжая домой из академии, но спектакли все меньше нравились, в конце концов, детское увлечение забылось. Странно, Гурьева очень молодо выглядит. А между тем скорбные морщины должны были «украсить» лицо – как напоминание о коварных превратностях судьбы. Ничуть не бывало, за рабочим столом напротив Степана сидела мисс удача собственной персоной, излучавшая уверенность и благополучие. Карина совсем не похожа была на героинь, которых когда-то здорово играла. Нелепо, что ее выгнали из театра.

Она вызвала секретаршу, попросила принести кофе и конфеты.

– Кофе у нас великолепный, – сказала она, когда девушка ушла. – Не растворимый, поэтому придется подождать. Чем обязана? Неужели на меня заводят дело в милиции?

– Нет, нет, совсем не по этому поводу я пришел, – улыбнулся Степа. Гурьева произвела на него хорошее впечатление – Вы слышали о событиях в театре?

– Да, – помрачнела она. – Убийственная новость. Просто нет слов. Я в себя прийти не могу, из рук все валится. И что? Какое отношение это имеет ко мне? Я и муж обходим театр стороной.

– Понимаете, Карина Глебовна, мне очень нужно знать, что собой представляют работники театра, какая там обстановка, кто с кем воюет, и так далее.

– Меня давно не интересует, кто с кем там воюет. И знаете, сейчас я благодарна коллегам, которые меня выгнали. Надо мной не стоит выжившая из ума мегера и не лезет в мою личную жизнь. Не нужно выполнять глупые задачи бездарных режиссеров. Не надо при двенадцати градусах тепла на сцене делать вид, что тебе жарко, когда синеешь от холода. Не надо ждать дня зарплаты, а потом тянуть копейки и думать, как же прокормить семью. Независимость – большое дело. А когда ты еще и прилично зарабатываешь, то начинаешь уважать себя, на прошлое смотришь как на заблуждение молодости.

– И вы ни с кем из бывших коллег не общались?

– Почему же, общалась. С Лопаткиным, с Ушаковой…

– Да что вы! А с Ушаковым?

– С тех пор, как он ушел от нее, мы перестали видеться.

– Расскажите об Ушаковых, а то в театре я толком ничего не узнал.

– Неудивительно. Эпохи все боятся. Они даже в тюрьму сядут, если она велит.

– Еще ни от кого не слышал о директоре положительного мнения.

– А это удивительно, – тут же подхватила Карина. – Потому что они боятся ее и тогда, когда Эпохи нет рядом, поэтому обычно славят, в лучшем случае отмалчиваются.

– Они – это актеры, да? (Карина утвердительно кивнула.) А технический состав? Тоже дрожит?

– Еще как! Только не ищите убийцу среди техники, не тратьте время. Им делить с актерами нечего. – Зазвонил телефон, Карина взяла трубку. – Да?.. Извините, я сейчас занята, позвоните попозже… Обязательно, буду ждать. – Положив трубку, пояснила: – Это художник, он подготовил макет календаря для одной фирмы…

– Я постараюсь не отнимать у вас время, – понял намек Степа.

– Нет, нет, я не к тому… Лена Ушакова… это был близкий нам человек, понимаете? И мне не просто говорить о ней. Возможно, я буду предвзятой…

– Это ничего, нужное я отберу, – успокоил ее Степа, видя, что ей действительно очень сложно об этом говорить. Решил разрядить обстановку, в шутку спросил: – Так среди кого искать убийцу?

– Среди актеров, – на полном серьезе ответила она. – Это акулы. В каждой пасти по двадцать рядов зубов, сожрут и не подавятся.

– Не любите вы их, – сделал вывод Степа.

– К сожалению, мне не за что их любить. Поймите правильно, Степан… извините, не знаю отчества.

– Да бог с ним. – Секретарша принесла кофе и коробку конфет. Степа сладкое обожал, поглощал его в огромном количестве, поэтому, не стесняясь, принялся пить кофе с конфетами, надеясь, что его непосредственность сделает Гурьеву более свободной.

– Нелегко простить предательство, подлость, клевету, – сказала Карина, обводя указательным пальцем край своей чашки. – Я попытаюсь коротко, если получится. Ушаковы приехали в театр лет десять назад, мы с мужем уже работали. Оба сразу вошли в репертуар, играли много. Между ними были теплые отношения. Знаете, ходят разные слухи по поводу актеров, что они неразборчивы в связях, но часто актерские семьи крепкие. То, что потом произошло… – Карина не смогла подобрать нужных слов.

– «Нонцес какой-то»? – подсказал Степа, процитировав директора.

– А, так и вы заметили? – усмехнулась она. – Знаете, я словарь вела орфоэпических вывертов нашей директрисы с переводом. «Будем скупляться на базаре». Это значит: будем делать покупки на рынке. Каково, а?

– Думаю, человеку нельзя ставить в вину, что он плохо говорит по-русски, – мягко возразил Степа. – Это еще не преступление.

– Но не в театре, – категорично заявила Карина. – Директор – лицо всей труппы, он обязан правильно говорить, уметь общаться. В конце концов, учат иностранные языки, неужели нельзя подправить родную речь? Это основа культуры, разве не так?

– Не знаю, – оказался в тупике Степа. Ему очень не хотелось перед Гурьевой ударить в грязь лицом, однако решился на возражения: – Только я встречал людей, которые не умели выразить мысль, но с культурой у них был порядок.

– Не спорю, и я встречала таких людей, особенно в деревнях. Но они же не руководили театром. А у Эры Лукьяновны полное соответствие речи с ее поступками. Видите ли, ее необразованность – хоть она и имеет высшее образование, – ее нелюбовь к людям, пренебрежительное отношение к этике и привели к разрушению театра. Некультурный человек не может, не должен руководить культурой, я к этому вела.

– Вообще-то с вами трудно не согласиться, вы умеете убеждать.

– Наверное, человеку, не знающему театральной кухни, понять сложно, – сказала Карина с сожалением, заметив, что Степан несколько озадачен. – Тогда пойдем более простым путем. Театр это… это замкнутая система.

– Почему замкнутая? – поднял брови Степа. – Актеры на виду…

– На виду плод их труда – спектакль, не более. А то, что творится за кулисами, скрыто от посторонних и далеко не романтично выглядит. Актеры целыми днями находятся вместе, варятся в собственном соку. Актер думает о роли, живет ею, мечтает о ней, часто мечтает о роли товарища. Все. Остальная жизнь проходит мимо. Поэтому очень важно, чтобы руководители в театре были порядочные люди, тогда все службы работают четко, налажен творческий процесс, склоки сводятся до минимума. Поверьте, это так, я работала в нескольких театрах и могу сказать одно: если б после театрального училища сразу попала в этот театр, я бы закон-

чила карьеру актрисы много раньше. Пришли некомпетентные люди, перекроили все по своему подобию.

– Вы хотите сказать, что с приходом Эры Лукьяновны…

– Да! – подхватила Карина. – Она занимала ответственный пост во времена Советского Союза, с приходом новой власти ее задвинули в контору, где она прозябала. Но, как говорится, свои своих не бросают, назначили директором! Она воспрянула духом. Первое, что усвоила, – как воровать. В этом смысле театр – раздолье. Начала с мелочи. Свои ношеные вещи оформляла через комиссионный магазин и «покупала» для театра, когда нужна была одежда для современной пьесы. Муж мой тогда был председателем профкома, человек он принципиальный, разумеется, принялся убеждать в нерациональных затратах. «Зато по-богатому», – ответила она. Понимаете, в театре – все игра, бутафория во всем. Поэтому со сцены натуральная кожа и прочие дорогие вещи часто выглядят дешевкой, а вещи, сшитые по эскизам художника и с подбором тканей, смотрятся дорогими. Еще проще объясню. Когда был дефицит на джинсовую одежду, мне сшили костюм из вельвета, который художник зафактурил под вареную джинсу. Чтобы грамотно одеть актера, художник специально учится, он знает, как вещь будет выглядеть под светом на сцене. Это понятно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.